

Если веришь в мужа — доверяй ему!

A close-up photograph of a woman with dark, wavy hair and light-colored eyes. She is looking directly at the camera. A clapperboard is held in front of her face, partially obscuring it. The clapperboard has a black and white diamond pattern on the top half and a black bar with white text on the bottom half. The background is a soft, out-of-focus green, suggesting an outdoor setting.

Немного солнца для Скарлетт

Роман

НАТАЛИЯ
МИРОНИНА

Наталия Миронина

Немного солнца для Скарлетт

Серия «Счастливый билет»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22026761

Немного солнца для Скарлетт : [роман] / Наталия Миронина: Э;

Москва; 2016

ISBN 978-5-699-92346-5

Аннотация

Мир кино красив и жесток, но именно там юная Скарлетт Ломанова встретила свою любовь – Дика Чемниза. Она отвоевала его у могущественной соперницы, которая спустя годы отомстила, сообщив, что муж изменяет ей с женщиной... Проклиная себя, Скарлетт опустила до слезки за Диком, но за миг до разоблачения бросила эту затею. Ее светлая солнечная жизнь покрылась мраком. Может быть, нужно было принимать предложение Стива, прославленного голливудского режиссера, и судьба выстроилась бы иначе? Тем более что Стив был всегда рядом. Но времени на размышления у Скарлетт оказалось очень мало...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	47
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Наталия Миронина

Немного солнца для Скарлетт

© Миронина Н., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Есть судьбы, по которым время проходит не по касательной. Есть жизни, которые вовлечены временем в его суть. Есть люди, которым довелось испытать все, что уготовано веком. И все же желание счастья оказывается сильнее обстоятельств и рока.

Глава 1

Падающий свет

И вдруг упал софит. Что-то хлопнуло, вспыхнуло, задымилось, потом с высокого штатива свалился, как отрубленная черная железная голова, осветительный прибор. Кто-то закричал, кто-то ойкнул, кто-то ахнул. Поверх всех этих звуков пронеслось протяжное ругательство. Режиссер вскочил со своего кресла, подбежал к осветителям и, жестикулируя, что-то с возмущением стал выговаривать. Рядом толпились ассистенты. Главная героиня подчеркнуто сохраняла спокойствие. Ей, наверное, казалось, что этим самым она подтверждает свой высокий профессиональный статус.

– Сцену успели отснять? – громко спросила она у оператора.

– Нет, придется переснимать, – развел он руками.

– Отлично, надо грим поправить, – произнесла героиня, и опять в этих словах, в самом тоне почувствовалось превосходство звезды. Гримеры не заставили себя ждать – они стояли на страже (только алебард им не хватало) позади кресла с именем актрисы.

– Тони, глаза подправь, ну и остальное... Жарко. – Главная героиня уже сидела перед зеркалом, а Тони, маленькая девушка с куцым хвостиком, орудовала кисточками, щеточ-

ками, губками.

На съемочной площадке воцарился хаос – внезапный перерыв каждый пытался использовать в личных целях. И только он оставался там, где был. Он остался сидеть на узком плетеном стуле возле круглого стола, рядом с входом в кафе. Он остался сидеть там, где сидел, когда была прервана съемка.

Он был красив. Эту красоту передать словами было невозможно. Как описать правильные черты и при этом подчеркнуть их своеобразие? Описание получится длинным, бестолковым, непонятным. Поэтому проще сказать, что он был красив. Что его лицо напоминало рисунок тонким грифелем – высокие скулы, чуть заостренный, чуть опущенный книзу нос. Темные прямые брови над узкими, не по-восточному, глазами. Да, еще его губы были тонкими, но не придавали лицу злого выражения. Наверное, потому, что чаще всего он улыбался. Внимательный наблюдатель еще обязательно отметил бы цвет глаз – черных, таких черных, что иногда они казались синими, чернильными. Есть такой оттенок черного – не в коричневый тон, а в темную, лиловую синеву. Его внешность была и красивой, и необычной. Он был худощав и невысок ростом. Впрочем, как часто бывает, манера себя держать, умение двигаться и одеваться порой полностью меняют физические параметры. Он был невысок, но маленьким не казался. Он был худым, но щедедушным не выглядел. Наоборот, в нем чувствовалось напряжение силы.

Его облик был обликом тех героев и рыцарей, которые населяют романтические сказки и хорошенькие головки молодых девушек. Только сейчас он сидел за столиком на одной из улиц Парижа, был одет в голубые расклешенные джинсы, узкую рубашку и изображал молодого влюбленного адвоката.

– Господи, да он просто бог! – пробормотала главная героиня, бросив искоса взгляд на него.

– Да, он прелесть! – машинально ответила гримерша Тони и тут же получила замечание:

– Дорогая, не отвлекайся! Еще немного румян – и мне можно будет выходить на пляс Пигаль!

– Извините, – опомнилась Тони. Она на секунду забыла, что главная героиня имеет виды на этого красавца. Вся съемочная группа заключает пари, чем же закончится эта осада. Сама Тони ставки не делала. Она не прочь была бы строить глазки этому молодому актеру, но тот был мягок и неприступен. Что было крайне удивительно для актера, впервые оказавшегося на съемочной площадке.

А съемки длились уже несколько месяцев. Художественный роман, который прошумел как шквалистый ветер года три назад, уже немного подзабыли. Непроданные книжки от огромного тиража отправили в провинциальные магазины – там, как всегда, жизнь немного отставала. Казалось, что тонкая светло-серая книжица ушла в прошлое, как вдруг откуда ни возьмись появился сценарий, потом принесли парти-

туру – в сюжете многое было завязано на красивой мелодии. Потом появилась актриса. Она была старше героини книги, но была еще очень красива, свежа, талантлива. Она была всем хороша, исключая характер, но кто обращает внимание на такие мелочи? И в конце концов появился он. Недавний студент, сыгравший Гамлета в одном из небольших театриков на Бродвее. Когда появился он, стало ясно, что кино состоится. Именно в нем, в его игре было то, что между строк читалось в том самом романе, в той самой тонкой светло-серой книжице. В нем были предчувствие любви, трагизм страсти и мудрая покорность судьбе. Как это в нем все совмещалось, как у него, двадцатипятилетнего, это все получалось сыграть, оставалось загадкой. Но эта таинственность только добавляла перца. Так часто личные качества влияют на профессиональные, что уже неразличимы реальный человек и образ, который он воплощает.

Его звали Ричард Чемниз. Он, как и вся съемочная группа, прилетел из Америки. Идея снимать нашумевший роман в реальных парижских декорациях принадлежала мужу главной героини. Он же был и продюсером. Впрочем, в этой щедрости загадки было меньше всего. Муж главной героини в это время вынужден был жить во Франции: «Бизнес, понимаете ли, не знает границ!» И как удобно было бы следить за собственной женой, если сниматься она будет здесь же. Съемочная группа наслаждалась этими парижскими каникулами. В конце концов, могли же изобразить все эти изумитель-

ные бульвары и набережные где-нибудь в павильонах киностудии. Нет, естественные декорации намного убедительнее. Ричард Чемниз, а это был его первый фильм, снимался с интересом и тосковал по театру. В камерности театральных кулис, на его взгляд, была особая магия. Было почти уединение, было то, что помогало сохранить себя для роли. В кино все было «на продажу» – все чувства, все эмоции, жесты и даже мысли. Нет, не ты играл роль, здесь все принимали участие в твоём образе, как и ты был частью чего-то общего, коммунального. Ричард, или, как его обычно звали, Дик, был индивидуалистом и терпеть не мог ничего общественного, но кино было отличным профессиональным опытом. Наверное, поэтому он и согласился на эту роль. «Приятная история. Хотя и банальная», – отметил он про себя, когда прочел сценарий о любви сорокалетней дамы и двадцатилетнего молодого человека. В театре он взял отпуск и покинул Нью-Йорк, чтобы провести лето и осень на съемках в Париже.

Он приехал скромным актером, а выходил на съемочную площадку почти звездой. Во всяком случае, так к нему стали относиться с первого же дня. Он воспринимал это с досадой, тихой улыбкой, с непроизвольным чувством вины. «Я могу не сыграть. У меня может не получиться. Я учился играть в театре. Я ничего не знаю про кино! Вы рано меня хвалите!» – казалось, он хотел сказать каждому, кто говорил ему комплименты. Но окружающие уже попали под его обаяние, о действенной силе которого Дик сам еще не подо-

зревал. Окружающие не только видели, как он играет, они чувствовали в нем этого самого героя, обреченного на любовь. Именно – обреченного, и, как всякий обреченный, он должен был быть несчастливым. Но в несчастье он был сильным и благородным, а это не могло не вызывать восхищения. Дик Чемниз, играющий сейчас на парижских мостовых, являл собой героя.

– Простите, пожалуйста, надо сменить рубашку. Вот, лучше это переодеть. – Рядом с ним стояла темноволосая девушка в больших темных очках.

– Зачем? Зачем сменить рубашку? – удивился он.

– Цвет, – лаконично пояснила она. – Лучше, если будет присутствовать темно-синий. На пленке он утяжелит, сделает вашу фигуру мощной... – произнесла она и тут же спохватилась: – Извините, я хотела сказать, что... ну, понимаете... Ох!

Девушка вконец растерялась, а он тихо рассмеялся.

– Не переживайте! Слава богу, вы одна не делаете из меня супермена. Это обнадеживает. Давайте вашу синюю рубашку! – Дик, улыбаясь, забрал у нее вешалку и прошел к себе.

Актрису, игравшую главную роль, ту самую сорокалетнюю даму, в которую, по книге, был влюблен молодой человек, звали Анна Гроув. Ей было почти сорок лет. Анна уже давно была звездой. И кинонаграды стояли у нее на камине плотным строем, и множество фотографий в дорогих рамках

расположились в причудливом рисунке на центральной стене. И ее имя в титрах гарантировало сборы и благосклонное внимание критиков.

Анна была замужем во второй раз. От первого брака у нее сохранились воспоминания о скандальной жизни и бесконечных требованиях мужа поделить доходы. От посягательств Анну спас деловой влиятельный человек, нанявший грамотных юристов, которые предъявили убедительные доказательства полной нищеты актрисы, что, безусловно, являлось результатом особенной адвокатской казуистики. Анна успокоилась и отблагодарила влиятельного человека согласием выйти за него замуж. Впрочем, жизнь пары очень скоро приобрела тот самый удобный вид, при котором никто не мозолит друг другу глаза. Но при этом, как во всяком приличном семействе, оба ревновали, оба пытались иногда шпионить, и для обоих газетные сплетни были источником душевного волнения.

Анне казалось, что эти съемки будут развлечением. Неким летним отдыхом, который сможет принести еще немного славы и потешит самолюбие мелким романом. Но, к ее удивлению, все шло не так, как хотелось. В это парижское лето, под ослепительным светом юпитеров, Анна ощущала глухое беспокойство. Она не могла понять источник, причину его. Хуже того, она не могла с ним справиться. С ней такое уже было – что-то вдруг начинает раздражать, мешать. Анна в таких случаях пользовалась патентованным средством

голливудских красавиц – она заводила роман. Еще только начиная съемки, она опытным взглядом намечала несколько кандидатов в жертвы. И в случае расстройств чувств начинала флиртовать. Редко какой мужчина оставался равнодушным к ее классическо-кинематографической внешности: высокий рост, высокая грудь, плоский живот и лицо – насколько красивое, настолько же лишенное индивидуальности. Иногда казалось, что определенная категория актрис пользуется услугами одного и того же хирурга-косметолога. Их скулы, носы, губы словно были отлиты по одной форме.

Сама Анна к этим «служебным» романам относилась как к профилактике неврозов и забывала о них еще до конца съемок. Сейчас она, обратив свои чары на Дика Чемниза, а больше, по ее мнению, и не на кого было здесь смотреть, вдруг почувствовала, что отсутствие реакции – это не что иное, как форма вежливого общения. Что этот темноволосый худощавый молодой человек представляет собой китайскую шкатулку: пытаешься открыть, открываешь, а там еще одна загадка, а потом еще одна, а дальше следующая. Анна, применив все испытанные действия, поняла, что не достигла ничего, кроме одного и совершенно нежелательного эффекта – с наступлением вечера Дик очень редко выходил из своего номера. И все расчеты провести с ним тихий, романтический парижский вечер были сведены к нулю. Еще Анна обратила внимание на его чуть отстраненный взгляд – а это никак не сочеталось с ее желанием быть центром вселенной.

Анна пробовала капризничать во время съемок, но, к своему удивлению, получила жесткий отпор.

Съемки оказались сложными и по другой причине. Режиссеру Стиву Майлзу было недостаточно распространенных лицедейских приемов – улыбка-смушение, взгляд-признание, жест-отчаяние. Ему не нужны были примитивные схемы, ему недостаточно было этих клише, которые, помноженные на ее, Анны, известность, создавали видимость актерской игры. Ему, Стиву Майлзу, режиссеру, снимающему всего лишь вторую картину, требовалось полное соответствие чувствам. Он, как любила язвительно комментировать Анна, где-то набрался сведений о системе Станиславского и теперь требовал полного перевоплощения. Анна пыталась отлынивать, по привычке «включая звезду». Потом она пыталась все компенсировать выигрышными позами, но режиссер был неумолим. Анна могла работать по-настоящему, в полную силу, у нее был потенциал, но здесь, в Париже, она предпочла лениться.

– Дорогая, а почему ты все-таки не прислушаешься к советам Стива? Он знает, что говорит. У него чутье, – как-то за ужином спросил Анну муж.

И она поняла, что ее намерения пожаловаться ему на режиссера потерпели крах – Стив просто ее опередил. Она поняла, что, помимо жалоб на плохую игру, могли последовать жалобы на более серьезные проступки, а ссориться с мужем не хотелось. А еще, и это было самое главное, Анна поняла,

что играла она из рук вон плохо. Так плохо, что терпеливый Стив Майлз не выдержал. Впрочем, характер свой Анна победить так сразу не смогла – на следующий день она пыталась отыграться на коллегах, намереваясь наказать всех дрызгами. Она жаловалась на гримеров, на осветителей. «Вы убить меня могли! Вы понимаете, что просто так софиты не падают! Этот бардак на съемочной площадке возмутителен!» – кричала она, не спеша занять свое место в кадре и тем нарушая весь дневной график. Последняя, к кому прицепилась Анна, была так самая девушка – художник по костюмам, которая предлагала Дику надеть синюю рубашку.

– Только человек без вкуса мог предложить такой костюм. Вы, голубушка, забыли, что мы рассказываем парижскую историю. Вам следовало бы повнимательней быть на улицах. Вам следовало бы потрудиться и изучить парижанок! – Это все Анна проговорила язвительным тоном.

К удовольствию группы, девушка не растерялась. Она ответила Анне громко, четко, так, чтобы все ее слышали. Вот только на французском языке. Анна на секунду опешила – она не понимала никакого языка, кроме родного английского.

– Что это? – Анна фыркнула.

– Летти вам объясняет, что она выросла в Париже. И как здесь принято одеваться, она отлично знает, – серьезно, без тени улыбки перевел ей Стив. На него все эти эскапады не действовали.

– Прошу внимания, начинаем съемку! – прокричал он в мегафон.

Поднялась суета, и съемочный день наконец начался.

– Скажи, зачем ты пожаловался мужу?! Кто здесь режиссер?! Ты или муж?! Я знаю свои возможности! Я знаю, что играю хорошо! – Это она уже кричала вечером, когда осталась наедине со Стивом. Тяжелый день не охладил пыл Анны. Но Стив, этот огромного роста светловолосый бородач, словно бы и не замечал ее гнева. Он только спокойно сказал:

– Согласен, ты играешь, Анна, неплохо, но недостаточно хорошо для такого партнера. На его фоне все кажутся картонными.

Анна онемела. Она так привыкла быть первой, она устанавливала планку, она была недостижимой звездой... И вдруг ей дали понять, что именно главный герой здесь – главный.

На следующий день она вообще уже не играла. Она наблюдала за Диком. И поняла, что Стив прав. Что рядом с ней сейчас совсем другой партнер. И что ему необходимо соответствовать. И что он никогда не будет подстраиваться под кого-то. И тут Анна поняла, что ее раздражало, что все это время мешало ей почувствовать привычную уверенность в себе. Все дело было в нем, в Дике. В его облике, фигуре, манерах, а самое главное, в актерском мастерстве. Он был другим, этот молодой человек, и соответствовать ему было сложно. Анна вдруг почувствовала, как эта разница в годах, разница небольшая, но все равно существенная, проявилась

в этом актере. Анна поняла, что она упустила что-то в молодости, что, будь она требовательнее к себе, не предпочти она профессиональную легкость настоящим усилиям, она, пожалуй, смогла бы встать на одну ступень с ним. Но нет. Ее время ушло, оно позволило сохранить ей красоту, свежесть, энергию, однако не оставило того, что не могло оставить, – того, что сама Анна не накопила. Время не оставило ей способности обновляться, способности учиться.

«А ведь и старость недалеко», – вдруг подумала она и тут же решительно выкинула эту страшную мысль из головы.

Когда Анна не знала, как поступить, она тоже влюблялась. Она видела в этом самый простой и естественный выход из затруднительного положения. И в этих предполагаемых условиях свои реплики она знала назубок. Сейчас, на съемочной площадке, оказавшись в растерянности от внезапного открытия, она сделала единственно возможный, как ей казалось, шаг. «Ты хотел, чтобы я не играла, а жила? – Она мысленно адресовала режиссеру свой вопрос. И тут же сама на него ответила: – Пожалуйста. Буду жить».

Гостиница, в которой обосновалась съемочная группа, стояла на окраине города. Здесь они жили, здесь же на близлежащих улицах снимали натуру. Эта часть Парижа, далекая от центра, была еще тем старым городом, где пока не появились аккуратные серые коробочки дешевого муниципально-го жилья, где не было иммигрантов и местные жители держа-

ли огороды. Это была еще старая парижская окраина с узкими домами без удобств, высокими мансардами, с неровными мостовыми, из которых выпирал булыжник. Это был район маленьких, не всегда чистых кафе, завсегдатаи которых отлично знали друг друга. Здесь было удобно снимать кино. Машин немного, власти округа не вредничали и не жадничали – разрешения выдавали быстро, денег много не брали.

Среди старых, потертых домов попадались «жемчужинки» – некоторые дальновидные домовладельцы, предчувствуя бум, ремонтировали дома, превращая их в приличные отели. Как и ожидалось, очарование старого города и старой парижской жизни, а также комфорт вновь отреставрированных гостиниц привлекали сюда зажиточных путешественников, средней руки деловых людей и служителей искусств.

В отеле жила вся группа, кроме Анны. Она с мужем занимала особняк в тихом пригороде. Туда ее каждый вечер доставляла машина. Анна поддерживала свой статус. Впрочем, по вечерам, когда все собирались в ресторане отеля, Анна домой не спешила. Она и раньше любила подобные посиделки – ей всегда было обеспечено внимание и восхищение. В этот раз она чувствовала себя обиженной, ущемленной, она интуитивно понимала условность своей звездности, но отказаться от этих встреч, когда цеховое корпоративное единение заставляло забыть о соперничестве, она не могла. И еще здесь иногда был он, Дик. Молчаливый, с мягкой полуулыбкой, с тревожащим взглядом темных глаз. Анну тянуло туда, где

был он, и ничего с этим поделать она не могла.

В этот вечер обсуждали рухнувший софит.

– Накал страстей, не иначе, – пошутил кто-то.

– Неудивительно, когда на площадке такая героиня, – подержали реплику.

Анна улыбнулась. Ей были приятны эти простые комплименты и дежурная похвала. Они словно сахар в кофе – вещь обычная, но придающая вкус жизни. Анна в такие минуты становилась разнеженной, доброй, великодушной. «Пусть он слышит. Пусть он понимает, с кем пришлось ему играть!» – думала она про себя и наблюдала замороженно за худощавой фигурой. Дик сидел на другом конце большого стола, рядом с ассистентом режиссера и какими-то девушками из технических служб. Он был далек от Анны, но и от людей, сидящих рядом, он был тоже далек. И это свойство его – быть одиноким среди людей – делало его особенно привлекательным для Анны. Она не умела быть одна и всегда старалась быть в гуще людей, в шуме, в суете. Словно ей необходимо было ощутить силу толпы, ощутить ее поддержку. Анна маскировалась среди людей, боясь одиночества как чего-то неприличного, не статусного. И потому это его качество – быть одиноким, а следовательно, быть у всех на виду – представилось ей особенной силой.

Этот ужин почти не отличался от других. Стив Майлз, как обычно, не задержался за столом – он понимал, что в его присутствии люди могут себя чувствовать напряженно. «Це-

лый день я с вами. Надоел, наверное, уже!» – с этой постоянной шуткой он покидал ресторан, и после его ухода все раскрепощались. Начинался открытый флирт. Все без исключения девушки из технического персонала были миловидными – каждая втайне мечтала о карьере актрисы и в свое время пришла на съемочную площадку, соглашаясь на любую работу. Второстепенные героини, красавицы, делали вид, что восхищаются Анной, а Анна подыгрывала им, прекрасно понимая, что, кроме зависти и неприязни, они к ней ничего не могут испытывать. Но, несмотря на сложные внутренние взаимоотношения, эти вечера были приятны.

Мир кино – такой загадочный, такой манящий. Они были его частью. И сознание этого не только окрыляло, оно делало их свободней, раскованней, иногда развязней. Мир, в создании которого они принимали участие, порой обманывал их, притворяясь реальностью. Анна давно все это узнала, ее уже было невозможно провести. Но тем забавнее было наблюдать за ними, теми, для кого жизнь представлялась постановкой, которую можно всегда отрепетировать, или съемкой, где может быть сколько угодно дублей. Анна с первого же взгляда могла определить жертв этих заблуждений. И сейчас за столом их было большинство. Исключение, пожалуй, составляли всего лишь несколько человек, включая ту самую девушку, художника по костюмам, которая так дерзко ответила Анне. Эта девушка сидела в конце стола, совсем близко от Дика. Анна удивилась – на таких ужинах существует иерар-

хия. Здесь все знают свое место в буквальном смысле слова. Но Дику, похоже, это было не важно. Глядя на него, Анна вдруг отчаянно позавидовала независимой молодости.

Стив Майлз не любил декорации. Еще в самом начале съемок он сказал, что в фильме не два главных действующих лица, а три. И этот третий чуть ли не самый главный. Анна при этих словах поморщилась. Подобное она слышала много раз: горы, океан, собака или лошадь – обязательно в картине был третий главный герой, который, по словам режиссера, нес основную смысловую нагрузку. Еще Анна знала, что уже в середине съемок об этой декларации благополучно забудется. График, темп, сроки, прокатчики в конце концов одерживали верх. Но Стив Майлз был другим. Отличительной чертой его характера было упорство. Не упрямство, а упорство. Как известно, разница между тем и другим заключается в разумности действий. Так вот, Стив Майлз был на редкость разумным. Справедливо полагая, что каждая история должна иметь свой акцент, своей истории он придал французский акцент.

– Я не сравниваю литературный материал, – сказал как-то Стив, – ни в коем случае не сравниваю. Но «Ромео и Джульетта» – это запах итальянских апельсинов и лавра. Это теплый камень серых палаццо Вероны. «Пер Гюнт» – это холодный ветер фьордов. Наша история – это мокрые мостовые Парижа. Это не осень героини, это его осень – этого города.

Несмотря на свой внушительный вид и грозные повадки, Стив был трепетным человеком поэтического склада.

Париж так Париж! Стив безжалостно менял сценарий, и все, что можно было снимать в павильонах, снимали на улицах, собирая зевак. Многие ворчали, но Анна была довольна. Ее узнавали сразу, слышался восхищенный шепот. И ей было приятно, что его слышат все, и в особенности Дик.

Анна теперь старалась. Обладая прекрасной профессиональной памятью, тексты она выучивала быстро, при необходимости импровизировала, а накануне ответственных сцен подолгу репетировала дома. Муж был доволен. Стив Майлз почти доволен. Что думал Дик Чемниз по поводу ее внезапной дотошности и требовательности к себе, оставалось загадкой. Он все так же был немногословен, все так же вежливо улыбался.

– Вы помните тот эпизод, когда главный герой задерживает героиню на лестнице и пытается поцеловать? Ему удается это сделать, но она непритворно сердится на него, и они почти ссорятся. Так вот, снимать будем здесь, прямо на этом перекрестке. Не будем загонять вас на какую-то старую лестницу. Это пошло – кидаться на женщину в темноте. Ваш герой, Дик, должен поцеловать ее на виду у всех. На оживленном перекрестке. Не обратив внимания на машины, – сказал им Майлз перед началом съемок.

– Неправдоподобно, задавить могут, – подал кто-то голос.

– А вот в том-то и дело. Он, сгорая от страсти, не может

не поцеловать ее, но при этом оберегает от опасности. Это тяжело сыграть. Но стоит попробовать. Это движение души, страсть, но, как только он ее обнимает, он сразу же чувствует, что должен сберечь ее. Он понимает, что женщина в его власти и он отвечает за нее. Дик, вам ясно? – Майлз посмотрел на актера.

– Думаю, да. – Тот просто кивнул. Казалось, он представлял сейчас, как это должно выглядеть.

– А я не очень понимаю, – подала голос Анна. – Сцена на темной лестнице сексуальна, в ней ощущается зов плоти. Здесь же, при дневном свете, это совсем другое, это мальчишество, риск. В этом нет секса. А книга об этом!

Майлз задумчиво посмотрел на Анну.

– Да, это соображение верное. Но я меньше всего хочу, чтобы история была про зов плоти. Про слюнявого влюбленного мальчишку, который щупает женщин в подворотне. Мы о другом. Мы о страсти. Он ведь не может себя побороть, но он хочет узаконить эту страсть. Сделать ее чистой, легальной. А это возможно, только если он сам объявит о ней миру. Вот почему, когда он, переполняемый чувством, обнимает ее на улице и пытается поцеловать, он поднимается в ее глазах. Она сердится, но проникается к нему уважением за то, что он не стесняется любви к женщине, которая старше его.

Майлз замолчал.

– Кажется, я понимаю. – Дик кивнул.

А Анна подумала, что это очень тяжело – влюбить в себя

мужчину, когда тебе и ему чуть ли не каждый день напоминают о возрасте.

Перекресток, который выбрали для съемок, был оживленным. Этот уголок был типично городским: стоянка такси, автобусная остановка, пешеходный переход и четыре луча улиц, расходящихся от маленького зеленого пятачка. Таких внезапных клумб с одним или двумя деревьями посередине в городе было полно.

– Так, вы подходите к пешеходному переходу, останавливаетесь – ждете зеленый свет. Анна делает один шаг – и оказывается на проезжей части. Ты, Дик, в это время должен ее поцеловать. Запомни – в тебе любовь и страх за эту женщину, – объяснил им Майлз и сделал предупреждающий жест: – Приготовились, будем снимать.

Анна вздохнула, посмотрела себе под ноги, потом в сторону. Она заставила себя никого и ничего не замечать, она сейчас превращалась в красивую и, на ее взгляд, счастливую женщину, которую любил этот молодой человек с темными глазами. Режиссер дал команду «мотор», и раздался звук хлопушки. Теперь на тротуаре, ожидая сигнала светофора, стояла не Анна, а парижанка средних лет. Тоненькая, в удлиненной юбке и туфлях на невысоких каблуках. На плече у нее была сумка. Парижанка улыбнулась своим мыслям, слегка запрокинула голову, вздохнула, радуясь хорошему дню и собственной беззаботности. Вот она поправила шелковую косынку, вытащила солнечные очки. И в это время рядом с

ней остановился мужчина.

– Здравствуйте, я за вами иду уже целых полчаса, – произнес он, внимательно разглядывая светофор, словно боялся смотреть ей в лицо.

– Я знаю. Я заметила, – ответила она.

– Я ничего не мог поделать. Мне страшно потерять вас даже в городе, даже на полчаса.

Она не смотрит на него, она смотрит вперед, она делает шаг с тротуара, а он придерживает ее за руку, потом обнимает за талию и целует. Женщина вырывается, делает резкое движение и пытается перейти дорогу, но со следующим ее шагом раздаются оглушающий визг тормозов, грохот, удар. Молодой человек бросается вперед и буквально вытаскивает женщину из-под колес машины. Женщина, слабея, оседает в его объятиях. Машина уносится на огромной скорости и скрывается за углом.

– Стоп. Снято! – раздается голос, но все, кто присутствовал при съемке, словно парализованы. На улице стоит оглушающая тишина, и только слышен чей-то голос:

– Господи, что это было?!

Анна развернула уже вторую плитку шоколада – еще одно верное средство при расстройстве нервов.

– Стив, мне кажется, ты сошел с ума, – вкрадчиво сказала она режиссеру. За этой вкрадчивостью режиссер безошибочно разглядел надвигающуюся бурю.

– Анна, не волнуйся. Как только на дороге показался этот автомобиль – ты была словно у бога в ладошке. Это наш каскадер. Профессионал высочайшего класса. Я должен был снять эту сцену так, чтобы зритель испугался, восхитился и вздохнул с облегчением. Прости, что не предупредил вас с Диком, но, видишь ли... Господи, Анна, между вами что-то происходит. Я не пойму что, но что-то есть, и это мешает! Безумно мешает съемкам.

– Как? Опять? Опять что-то мешает?! – Анна язвительно рассмеялась.

– Да. – Голос Майлза стал твердым, сухим, почти официальным. – Да, мешает. И пока я не пойму, что это, и не устраню причину, нормальной работы не будет!

– Стив, ты сошел с ума. И сегодняшняя история, и все, что ты сейчас говоришь, – свидетельство твоего помешательства. Мне кажется, что у тебя не получается картина и ты ищешь оправдание этому.

– Ты можешь думать что угодно. Но я вижу, я чувствую, вы не можете находиться в кадре вместе.

– Слушай, ты сам не знаешь, что говоришь! Сначала я не соответствовала этому гению, потом стала лучше играть – твои же слова, а теперь мы не можем находиться в кадре.

– Да, все верно! Именно так. Анна, вы не совпадаете! – Майлз развел руками. – Ну, как тебе объяснить? Вы – случайно попавшие в кадр люди. Случайно! Вы не понимаете друг друга. Ты играешь одно, а он другое. У нас так ничего

не получится.

– Отлично. – Анна взяла в рот последний кусочек шоколадки. – Я так понимаю, что если бы не мой муж, то сейчас бы произошла замена главной героини, так ведь, Стив?

– Или героя. – Майлз растерянно развел руками.

– Нет! – Анна даже не заметила, как закричала. – Нет, Стив, не меняй главного героя. Это он, тот самый, из книжки. Это он, неужели ты сам этого не видишь?! Его глаза, фигура, жесты. Стив, это находка, ты сам видишь все!

Анна замолчала, а потом тихо сказала:

– С машиной и каскадером ты придумал, чтобы нас испугать? Чтобы мы сыграли естественно? Ты придумал это, чтобы хоть как-то нас вывести из себя?

– Анна, прости, но это очень важная сцена. Эта сцена, когда она понимает все про него. Когда она впервые задумывается о серьезности его любви. Эту сцену надо было сыграть на одном дыхании.

– Ты уже смотрел сегодняшний материал?

– Да.

– И как?

– Великолепно. Вы оба были великолепны. И этот твой последний жест, когда ты понимаешь, что он спас тебя, когда ты ему доверилась... Это прекрасная сцена.

Анна помолчала, а потом улыбнулась:

– Стив, я тебе обещаю, что с завтрашнего дня мы будем совпадать. Мы не будем другу другу мешать. Я тебе точно

обещаю.

Стив Майлз с каким-то сожалением посмотрел на Анну.
– Ты умная. И ты очень сильная. А еще ты хорошая актриса. И никого не слушай. Спасибо тебе. – Майлз наклонился, поцеловал Анне руку и вышел из комнаты.

Последний съемочный день обязательно отмечали. Это была традиция. Как и традицией было то, что вечер устраивал продюсер. Муж Анны любил размах, а также понимал пользу от подобных мероприятий. Он вкладывал деньги в имя жены и хотел если не прибыли чистоганом, то славы для нее. Именно потому особняк с большой лестницей в стиле модерн, выходящей на лужайку, был украшен цветами и огоньками. Сновали официанты, словно грачи на весенней траве, блестяли столовые приборы, и сверкал хрусталь. Угощение мистер Гроув заказал в одном из известных ресторанов. Вся эта помпа была, естественно, не ради съемочной группы, а ради тех нескольких господ, которые сейчас потягивали дорогое шампанское. Около них мелькали красавицы в вечерних нарядах: Анна так и не разобралась, откуда муж брал таких красивых и бестолковых барышень – то ли из эскорт-службы, то ли из числа начинающих и готовых на все актрис. Так или иначе, прокатчикам фильмов, кинофункционарам и тем, кто отвечает за отбор фильмов на конкурсы, здесь был организован приятный досуг. Конечно, мистер Гроув обязательно уделял внимание съемочной группе.

Он был успешным бизнесменом, поскольку хорошо знал основное правило игры – с теми, кто от тебя зависит, надо быть особенно ласковым. Так ты обеспечиваешь преданность себе.

Пока все приглашенные артисты, осветители, пиротехники, гримеры, каскадеры и прочие старательно принимали независимый и вальяжный вид, мистер Гроув разговаривал с нужными людьми. Он уже поставил себе цель «устроить» картину на ближайший европейский кинофестиваль. «Так, работа началась», – подумала Анна, отлично зная, о чем говорит этот обманчиво беззаботный вид мужа. Он принимал его, когда необходимо было чего-то добиться. Мистер Гроув был симпатичен, говорлив и умел держаться в тени, а с такими качествами было легко усыпить бдительность собеседника.

– Ваша жена все хорошеет, – завистливо сказал один из приглашенных, но посмотрел не в сторону Анны, а в сторону юного создания в длинной пестрой юбке.

– О да! Я сам не перестаю удивляться этому ее качеству, – ответил Гроув и ничуть не соврал. Он был из тех мужей, что умудряются гордиться своим давним выбором, несмотря на прожитые годы и многочисленные романы с обеих сторон. Гроув любил жену, он привык к ней.

– Вы счастливчик! – опять завистливо произнес собеседник.

– Буду окончательным счастливчиком при одном условии.

– Каком же?

Мистер Гроув добился своего – внимание гостя теперь было приковано к бизнесу, а не к юной даме в легкомысленной юбке.

– Я хочу, чтобы эта картина участвовала в фестивале. Она возьмет главный приз.

– О, вы словно на скачках! – рассмеялся гость.

– Нет, я просто знаю выносливость Анны. Я знаю, как она умеет работать. Эта парижская история – ее лучшая работа.

И опять Гроув почти говорил правду – то, что ему показал Майлз, вызывало сильные эмоции. Впрочем, потом, после просмотра, сидя в своем кабинете, Гроув вдруг задался вопросом: а в Анне ли дело? Не в этом ли немного странном пареньке? И еще. Гроув не мог отделаться от ощущения, что на съемочной площадке разыгрывалась драма, только ее коллизии были так глубоко, так далеко спрятаны, что догадаться о них мог только тот, кто хорошо знал Анну. Гроув относил себя к числу этих людей.

– Мистер Гроув, о вас ходят легенды. – Гость улыбнулся, но хозяин дома не обманывался. В их кругах за такими гримасами принято было скрывать опасное оружие. И оно тут же было обнажено. Гость таким же ласковым тоном продолжил:

– О вашем чутье, о вашей деловой хватке ходят легенды. Но, дорогой мой, кино – не финансы, не биржевые котировки и не продукт, который можно сбыть с рук, если договориться

со всеми. Кино – что-то, что не поддается урегулированию. Вы же сами понимаете.

– Понимаю. – Гроув был также улыбочив, он предоставил гостю сказать гадость до конца.

– Так вот, вы понимаете, что на фестиваль должна пойти такая картина, о которой заговорят. Не просто хорошее кино. А либо очень хорошее, либо очень плохое. В конце концов, на ком-то надо оттачивать остроумие. – Гость хохотнул.

Гроув все понял: это был намек, что лента, в которой снимается Анна, – обычная любовная история. Таких в год по всему миру делаются сотни.

– Очень здорово, – тем не менее поддакнул хозяин дома. – Нет ничего хуже посредственности.

– Вот видите, вы меня понимаете. Да, я читал тот самый роман. Он интересен, хотя уже не популярен. И потом, мистер Гроув, давайте я буду откровенным.

«Вот и главная гадость! – с удовлетворением отметил про себя Гроув. – Слава богу, недолго ждать пришлось!»

– Так вот, понимаете ли, Анна...

– Что – Анна?

– Ну, видите ли, сейчас появилось такое количество молодых и талантливых актрис, с таким почерком, с такой индивидуальностью, и они снимаются в таких фильмах... Простите, но я Анну очень люблю, люблю ее игру, ее красоту, но время, дорогой Гроув. Я буду с вами откровенен, время играет не в вашей команде.

– То есть история сорокалетней женщины, которая боится страсти, – это скучно? – Гроув намеренно пропустил мимо ушей намеки на возраст жены и на ее ставшее уже привычным амплуа. – Вы хотите сказать, что зрителю не будет интересна классическая история любви? Добротная, поставленная по всем законам жанра, снятая на улицах Парижа, а не в павильонах, где Париж только вчера был Мадридом? Вы хотите сказать, что зритель разлюбил истории про страсть?

– Что вы, что вы! Я просто хочу сказать, что на фестивале должны быть фильмы, которые привлекут чем-то необычным!

– Правильно! Фестиваль – это своего рода декларация намерений! Это определение художественных тенденций! Ваша позиция очень верная! – Гроув подал гостю фужер с шампанским и добавил как ни в чем не бывало: – Так что вы говорите? Можно что-то предпринять, да?

И в этом был весь муж Анны – задать вопрос, словно это не вопрос, а уже ответ, и ответ положительный, и ответ не твой, а того человека, от которого зависит решение твоей проблемы.

Гость слегка стушевался, а потом стал что-то говорить о конкуренции, правилах и прочем. Но Гроув понял, что этот человек ему поможет. Он сделает так, что картина будет уже весной принимать участие в фестивале. «Ну конечно, Анна не юная актриса, Анна зрелая женщина. Да к тому же с плохим характером – врагов в мире кино она себе нажила предо-

статочно. И нет в ее глазах того блеска, того света, что был когда-то. Но она снялась в этом фильме, сыграла хорошо, так почему же не поучаствовать в фестивале? – думал про себя Гроув. – А этот мне поможет. Видно, что поможет. Все эти рассуждения о возрасте Анны – всего лишь прием, цену набивает. Ничего, понадобится пара-тройка ужинов, подарки. Еще что-нибудь в этом роде».

Гроув улыбнулся, словно ему не хотелось заканчивать такой приятный разговор и отходить от такого милого собеседника.

– Знакомьтесь, это... – Гроув представил гостью даму и, улыбаясь, обошел гостиную. Он был доволен – история с участием их фильма в фестивале началась. Колесо заскрипело, и вода польется в их с Анной сторону.

«Анна, Анна... – думал Гроув, и вдруг в его душе что-то дрогнуло. Его жена такая красивая, уверенная, колкая, резкая, такая успешная – и вдруг о ней говорят, как о ком-то, кто остался где-то позади, кто опоздал, не успел, отстал. Гроув отыскал ее взглядом – Анна с кем-то разговаривала, улыбалась своей красивой улыбкой, и глаза ее блестели, и осанка, и овал лица – все было таким, как и десять лет назад. Ему ли, ее мужу, не знать этого, не видеть этого! Гроув, движимый каким-то теплым и мягким чувством, приветственно махнул ей рукой. Она заметила его жест, удивленно подняла бровь – так только она умела делать, отчего ее лицо приобрело несколько нахально-вздорный вид. Гроув рассмеялся, а

она все поняла – он послал ей знак привязанности, благодарности, что они вместе, что, несмотря ни на что, они рядом друг с другом. Анна в ответ улыбнулась. И ее лицо стало таким, каким было давным-давно, – милым, немного усталым и очень домашним.

«Они в кино этом спятили – в сорок лет в тираж? Сорок лет – возраст?! Да она лучше любой из этих молодых, что слоняются тут с шампанским! – Гроув вдруг вспомнил историю с упавшим софитом. – Падающий свет. Падающий свет. Вот как называется человеческое время в кино. Был свет, и нет его. Не светит, погас, исчез...»

Гроув уже выполнил все, что наметил на этот вечер, – он сделал свой ход. Он обозначил интерес к фестивалю, дал понять степень благодарности. Теперь оставалось ждать. Ему хотелось сбежать к себе в кабинет. Что он незамедлительно и сделал. Впрочем, где-то на полдороге ему повстречался Дик Чемниз. «Ну, хоть про главного героя нашего фильма нельзя сказать, что он стар и глаза его не блестят, как раньше. Например, в пять лет!» – хмыкнул про себя Гроув, приветствуя Дика.

– Простите, у меня безотлагательный звонок! – объяснил свою спешку Гроув.

Уже в своем кабинете, уютно устроившись в кресле и закуривая, Гроув припомнил необычно красивое лицо Дика и неожиданно порадовался: «А может, оно и хорошо?! Хорошо, что появляются эти молодые и необычные актрисы?!

Может, это и хорошо?»

Что-то похожее на ревность шевельнулось у него в груди.

Анну удивил взгляд мужа. Это так давно было – среди большой шумной толпы они обычно посылали знаки внимания друг другу. Эти знаки были простым шутливым признанием в принадлежности друг другу. Мол, я помню, ты здесь, люблю тебя. Даже когда их семейные отношения испытывали все виды бурь, они все равно прибегали к этому приему. Правда, теперь жесты несли иную смысловую нагрузку – деловую. «Подойти к тому». «Поговори с той». «Спасай, увязла в разговоре». И все же было что-то такое тайно-приятное, касающееся только их двоих в этом. Отвыкли они от этого, как только стали бывать на мероприятиях порознь. Гроув проводил много времени за границей, Анна снималась. Встречались они нечасто. Анна помнила эту привычку – отыскать глазами мужа, но потом и привычка стерлась. И сейчас, когда она увидела жест мужа, она обрадовалась. Чувство родственной любви и благодарности, которое она все-таки испытывала к Гроуву, заставило ее улыбнуться. «Гроув – это Гроув. А Дик... Дик – это совсем другое», – подумала она.

Согретая неожиданным вниманием мужа, Анна с большим рвением стала исполнять обязанности хозяйки. Она отдавала распоряжения официантам, она улыбалась гостям, она радушно угощала членов съемочной группы, которые в

этом особняке как-то стусевались. Анна имела плохой характер, но легко оправдывала людей и входила в их положение.

– Прошу, проходите, на улице уже сыро. Здесь же намного уютнее! – зазывала она актеров и актрис, которые, не решаясь войти в дом, смущенно мялись на лужайке. Здесь, где уже было много вечерних теней, они себя чувствовали спокойнее. Анна приглашающе махала руками, а сама тем временем пыталась проследить за Диком. Тот, как обычно, был где-то на втором плане. Он бы одет в темные брюки, темный джемпер, и только ворот светлой рубашки подчеркивал его смуглое лицо. Теплый домашний свет делал его еще красивее – у Анны даже сжалось сердце. Она выполнила обещание, данное Майлзу. Она полностью изменила свое поведение, и на площадке воцарился покой. На площадке вела себя ровно, спокойно, так, что создавалось впечатление, будто влюбленность развеялась как дым, исчезла как летняя роса. Но, впрочем, это было только внешне. Внутри у нее бушевали страсти. Внутри все болело от желания быть рядом с Диком, смотреть на него, разговаривать с ним, заботиться о нем. Но Анна была хорошей актрисой. О ее чувствах никто не догадывался.

– Вот тебе любовь звезды! Еще вчера с ума сходила, а сегодня ноль внимания! – поделилась наблюдением с коллегой гримерша Тони.

– Может, притворяется? – предположила ее собеседница.

– Нет, – уверенно отвечала Тони. – Так невозможно при-
творяться. Она стала такой, как была раньше. Как будто грим
водой смыла.

Анна не стала такой, какой была раньше, она менялась
так, что не узнавала себя, но железная дисциплина и жаж-
да добиться своего заставляли ее соблюдать осторожность.
Сейчас, на этом вечере, она вела себя так же, как и на съем-
ках. Они ведь для нее не закончились, она не могла себе дать
волю и обрушить на Дика свою страсть. Она была с мужем,
еще не разъехалась съемочная группа, еще не прошел этот
дурман творчества, который так меняет все вокруг. «Да, еще
несколько дней... Еще несколько дней... Муж уедет. Я оста-
нусь в Париже. Дик тоже. Он говорил что-то такое. И тогда...
Господи, да хоть бы ничего не случилось! – обо всем об этом
Анна думала машинально, привычно, словно повторяла за-
кливание. – Главное, чтобы не случилось...» – мелькнуло у
нее в голове, и тут словно кто-то ее толкнул. «А если он влю-
бится? Если его сдерживали съемки, режим, работа, сосре-
доточенность на роли? Если это только было делом време-
ни?! Кто? С кем? С кем он мог бы встречаться!» – Анна в па-
нике стала мысленно перебирать всех девушек, которые мог-
ли бы заинтересовать Дика. Она так вдруг разволновалась от
страха и ревности, что отставила бокал с шампанским и на-
лила себе водки. Напиток был правильным – на мгновение
из головы вылетело все. А когда холодный жар растекся по
телу, она чуть успокоилась. Она осталась стоять на высоком

крыльце, на самой верхней ступеньке и таким образом имела возможность наблюдать за теми, кто был в саду, и за теми, кто предпочел яркий свет и домашнее тепло. Она довольно улыбалась: о них с Гроувом ходило много слухов и разговоров, но все без исключения подчеркивали, что и муж, и жена обладали вкусом и умели создать домашнюю атмосферу. Было время, когда Гроувы устраивали по несколько приемов в месяц. Но потом начались командировки мужа, Анна стала все чаще сниматься, и вот только непреложной традицией остались эти вечера, посвященные окончанию съемок. «Это правильно, это разумно – столько времени проработать бок о бок и потом просто разъехаться, как будто чужие?! Нет, съемки – это как брак, недолгий, но бурный. После него всегда есть что сказать другу другу», – думала Анна, наблюдая за гостями. Это сиюминутное одиночество на виду у всех ей нравилось. Это соседство – мрак сада и яркие огни гостиной, – как день и ночь, как зной и холод, напоминали ей собственную жизнь. Анна не страдала от избытка чувствительности, она не была сентиментальной, а в мир кино проникла, покусывая соперниц, льстя возможным покровителям и жестко обороняясь от посягавших на ее достоинство. Анна приняла основное правило игры: актриса должна быть эффектной, умной и работающей. В противном случае ее время будет исчисляться мгновениями. Анна приняла условия и выиграла. Очень скоро в мире кино о ней заговорили и как о партнере. Анна одна из немногих могла дать дельный совет

и сценаристу, и режиссеру. Работать с ней было легко – она поддавалась лепке, но при это сохраняла свой стиль. Мужчины, как бы сильно ни были в нее влюблены, виду не показывали и предлоги для встреч изобретали хитроумные – все больше деловые. Это потом, когда ее имя на афишах стали писать большими буквами, Анна стала капризной, слегка грубоватой, циничной. Это потом она могла схалтурить и устроить на площадке скандал. Это потом она доводила до слез гримеров, парикмахеров, костюмеров. Это потом она могла «забить» на съемки и отдаться рискованному флирту. Это все было потом, когда ее признали звездой. Впрочем, хитростей у Анны было предостаточно – при всех своих «завихрениях» она отлично знала границы своего непослушания и эпатажа. Сейчас, стоя на крыльце дома и находясь на границе света и тени, наблюдая за гостями, она безошибочно определяла, кто из этих людей не сумеет пройти путь кинематографических искушений. Она видела оживленных женщин, наряды которых были продуманы до мелочей, жесты которых были обольстительны, губы манили, а глаза обещали бог знает что. И все это было ради одного – ради кино. Ради роли, ради хоть самой маленькой роли. Анна видела мужчин – они вместе с элегантными костюмами надели на себя солидность. Солидность была украшена самоуверенностью и стеснением. Стеснение происходило по причине зыбкости всего, что связано с творчеством. Анна понимала, что комплименты коллег, признание сообществом еще не гово-

рят об успешности. Она знала, что расстояние от «убойного» сценария, от дорогуших съемок и завораживающих спецэффектов до полного провала и отчаяния – полтора часа времени. Всего лишь навсего один киносеанс. Анна уже прошла эту школу иллюзий и грубой реальности. И она всегда считала, что есть один рецепт спасения от этой зыбкости. Он был прост – не заниматься кино. Не играть, не снимать, не писать сценарии. Не вступать ни в какие отношения с этим миром, который и сам-то не понимает, что в нем правда, а что вымысел.

Но так Анна считала до этого дня. До момента, когда Гроув и Майлз ударили по рукам. До этого фильма она самонадеянно и хвастливо, так, как делают выжившие в опасных восхождениях альпинисты, говорила новичкам: «А ты не лезь сюда! Никто не звал. А раз пришел – готовься к худшему!»

Анна смотрела на людей, которые заполнили ее гостиную, и жалела этих людей. Заодно она жалела и себя – в этот раз на этих съемках она познала что-то другое, что-то, что не смогла разглядеть раньше. «Господи, если бы я сообразила это раньше! Хотя бы лет десять назад! Если бы я сообразила, что нельзя быть на виду. Нельзя быть «для всех». Надо что-то оставлять себе. Не такая уж и новая мысль. Но если бы не Дик, я бы не обратила на нее внимания».

Анна поежилась. В саду было холодно, на лужайке почти не осталось никого из гостей. «Надо идти в дом. И Гроув уже

там, и Майлз. А где же Дик?! Где он? Я не вижу его ни в саду, ни в доме». – Анна еще раз попыталась взглянуть в темный сад.

Громкий смех заставил ее обернуться – в гостиной Стив Майлз, окруженный слушателями, что-то рассказывал. Он, как всегда, делал это мастерски – с гримасами, забавными интонациями и модуляцией голоса. Анна тихо вошла и прислушалась.

– И тогда падает софит. Я думал, она, Анна, меня убьет! – Майлз, улыбаясь, оглянулся на нее.

– Я думала, что он, софит, меня убьет! – рассмеялась Анна.

– Что ты, что ты, он не мог тебя убить, впереди был трюк с машиной! Ты мне нужна была живая! – Майлз попыхивал трубкой.

– Я тогда испугалась, я подумала, что что-то взорвалось. У нас же в Париже это бывает. Студенты шалят.

– Деточка, они шалили давно, в шестидесятых. Сейчас это не шалости. Это мороженое дружку за шиворот сунуть! – Майлз обрадовался новой теме и стал рассуждать о том, что по-настоящему сильного и правдивого фильма про те волнения и про то, как де Голль себя повел, не было.

– Не важно, что это было недавно. Десять лет для истории не срок. А для человека – почти эпоха. Важно, что эти люди, которые тогда баррикады строили на Монмартре, живут среди нас. Они же почти наши ровесники. Ведь известно, что

чем старше становишься, тем больше у тебя «одногодок». – Майлз посмотрел на слушателей. Кто-то тут же стал спорить, кто-то соглашался, кто-то с довольным видом потягивал вино, предвкушая спор. Майлз был мастером полемики, и заканчивалась она не всегда его победой, но его очень яркими фразами. Анна улыбнулась – в их доме, даже если не будешь прикладывать усилий, все все равно пойдет как надо.

– А вы извините меня за ту выходку? Ну, как раз когда этот самый злосчастный софит упал? Я не хотела быть такой невежливой! – Анну кто-то тронул за рукав. Она обернулась и увидела ту самую девушку, художника по костюмам. Анна захотелось отомстить, но, глядя на улыбку, на блестящие глаза, на просящий взгляд, Анна ее пожалела. «Что я, в самом деле?! С виду она же просто ребенок. Это же я все от ревности!»

– Это вы меня простите, я на съемках бываю стервой.

– Прощаю, – весело ответила девушка и добавила: – Как это лестно, простить саму Анну Гроув. Это же за гранью реальности. Но я должна сказать, что быть стервой вам очень идет.

– Спасибо, я постараюсь не нарушать образ! – рассмеялась Анна. Они кивнули друг другу и разошлись. «Господи, да как же ее зовут?! У нее такое короткое имя?!» – пыталась вспомнить Анна, оглядывая присутствующих. В гостиной стало тесно и шумно, уже слышались громкие возгласы, громкий женский смех. – Ну, наступило время флир-

та. Очень скоро станет ясно, кто с кем уедет. – Анна наизусть знала «расписание» вечеринок. Сейчас, например, после «официальной части», после признаний в дружбе и любви до гроба или хотя бы до следующих совместных съемок, наступило время личных отношений. Все, что началось под светом софитов, может вполне закончиться в этот вечер. И все, что не успело случиться во время съемок, может случиться сейчас. – Ах, да это даже скучно!» – вздохнула Анна и тут увидела Дика.

Он был один. Впрочем, даже если рядом кто-то был, Дик все равно выглядел одиноким. В его внешности было всего столько странного, а жесты были так скупы, что невольно все начинали приглядываться к нему. А приглядевшись и отметив красивое лицо, начинали подозревать, что человек несчастлив. И к этому человеку было уже непросто подойти и заговорить на первую попавшуюся подходящую тему.

– Дик, что ты здесь делаешь? Один, когда там Стив потешает публику.

– Я не один. Нас тут много. – Дик многозначительно поднял бровь и указал на толпу людей в центре комнаты.

– Ну, они порой совсем не мешают одиночеству.

– Тоже верно.

– Глядя на тебя, я пытаюсь разрешить один вопрос. – Анна обращалась к Дику, но смотрела на гостей.

– Какой?

– Как тебе удастся не сливаться с окружающей природой?

Это же противоречит законам самосохранения. Кстати, ты в курсе, что тебя терпеть не могут наши «мальчики».

– Я в курсе, что мне плевать на это, – рассмеялся Дик. – А если «мальчикам» больше нечего делать, то мне их жаль. С другой стороны, почему они меня должны любить?

«Мальчиками» Анна называла мужчин-актеров, которые принимали участие в их фильме. Акторов было много, и действительно Дика они недолюбливали. Анна, которой было свойственно «выяснять», как-то пыталась расспросить одного из актеров, но ничего убедительного она не услышала и пришла к выводу, что это просто мужская зависть. Дик был не только красив, он был талантлив и при этом держался настолько в стороне, что неизменно привлекал к себе внимание. Анна подметила эту странность: если собиралась группа людей, а Дик находился поодаль, то все присутствующие обязательно вскоре начинали поглядывать в его сторону. словно обращаясь к нему за одобрением, за сопереживанием или из желания вовлечь в общение.

– Анна, я давно не обращаю внимания на такие вещи. В театре такого предостаточно, и, если все это держать в уме и у сердца, сил не хватит на работу.

Анна перевела взгляд на него. Дик стоял перед ней, и от его тонкого и ласкового лица у нее захватило дух. «Он так хорош, так... – подумала было Анна, но тут же опыт ей подсказал: – Просто ты влюбилась так, как давно ни в кого не влюблялась».

– Вот смотрю старые журналы. Это Гроув собирал? Любопытный подбор!

– Что? – Анна, ничего не понимая, посмотрела на то, что показал ей Дик. – Не знаю, наверно. Я не люблю старье!

Дик рассмеялся:

– Зря. Любопытная штука. Та же жизнь, но еще без нас.

– Без нас. Да, Дик. Без нас. Дик, завтра будет день без нас. То есть мы будем, а нас не будет. Фильм закончился, и нас уже нет. Это всегда страшно. Сколько снималась, столько об этом думала. А сейчас, сейчас мне особенно жаль.

– Анна, а я рад, что вернусь домой, в театр. Мне здесь было плохо. Да, работа есть работа. Даже такая, как кино.

– Дик, мы закончили снимать фильм. Все. Теперь Гроув будет заниматься его продвижением. Большая часть людей завтра улетит. И мы тоже, Дик, мы не увидим больше эти жуткие круассаны, это какао в пиалках и тягучий хлеб. Дик, мы поедем туда, где есть гамбургеры.

– Анна, они есть и здесь, ты просто не заметила их.

– Это не патриотично – есть гамбургеры на берегах Сены.

– По-моему, все-равно, если хочется!

– Нет, нет. Иногда еда становится культовой вещью...

Дик, улыбаясь, смотрел на Анну.

– Что ты так смотришь на меня и совсем не слушаешь?

– Я люблюсь тобой. Анна, я хотел сказать тебе спасибо – ты великолепная партнерша. Ты так чувствуешь настроение, ты...

– Тонкая и ранимая. С тобой играть одно удовольствие... – продолжила Анна, подумав, что Дик над ней подшучивает. – Дик. Да, спасибо. Всего этого у меня не отнять.

– И никто не отнимет. Это же уже есть. – Дик вернулся к своему занятию и продолжил листать журнал.

– Отличная коллекция, – повторил он.

– Это Гроув. Это все он, – в тон ему проговорила Анна. Она не знала, что можно сейчас сказать друг другу. Вдруг они с Диком стали свободны. А это означало, что каждый должен принять решение.

– Дик, давай завтра съездим куда-нибудь. Я ведь и Париж-то толком не видела. Гроув занят, а мне надо немного прийти в себя. Судя по фильму, который мы закончили снимать, ничего нет лучше Парижа для этой цели.

– Можно. – Дик отложил журнал и посмотрел на людей в гостиной, которые и не думали расходиться.

– Так как? Во сколько? – спросила Анна.

– Надо сообразить. – Дик все так же смотрел на гостей.

Анна проследила за его взглядом и поняла, что он смотрит на эту самую художницу. Ту, со странным именем. Она разговаривала с Майлзом и чему-то улыбалась.

Анна внимательно присмотрелась к девушке. Приятная лицом, стройная, в отлично скроенном костюме из тонкой замши. И высокие сапожки, и светло-голубая рубашка, и даже этот бокал в руках с тяжелым темно-бордовым напитком – все сочеталось и словно было не в гостиной, а на кар-

тине художника, любителя жанровой живописи. Этакая иллюстрация красивой и успешной молодости.

– Что она пьет? Что это у нее там? – неожиданно спросил Дик у Анны.

– Ах. – Анна тут же развеселилась. Так, значит, Дика интересует не она, а напиток, который у девушке в бокале.

– Судя по всему, это вишневый сок.

– Вишневый сок. На вечеринке по случаю окончания съёмки. Очень трогательно. По-детски, – заметил Дик, и Анна вновь забеспокоилась.

– Да, главное, чтобы Стив Майлз это помнил, – жестко сказала она.

– Почему Майлз? При чем тут Майлз?

– Дик, ты и впрямь живешь как на необитаемом острове.

– Что ты имеешь в виду?

– Он за ней ухаживает. Стив Майлз влюбился. У них роман. – Анна закатила глаза. – Но больше ни о чем меня не спрашивай. Я терпеть не могу сплетничать.

Она улыбнулась с видом скромницы. Дик задумчиво смотрел на пару, которая, похоже, была занята только друг другом.

– Булонский лес – думаю, это то, что надо. – Он неожиданно повернулся к Анне и взял ее за руку. – А потом можно и погулять, и пообедать.

Анна, предпочитая не замечать прямолинейность фразы, торжествующе улыбнулась.

Глава 2

Высота

Есть на земле просто сказочные места. И объяснить их магию лишь красотой невозможно. Это, скорее всего, сочетание неба, воды, горизонта и настроения, с которым смотришь на окружающий мир.

Анна стояла на балконе. Вода плескалась у кромки берега, а берег подступал к желтоватому фасаду старого здания. Этот дом, с двумя террасами, с плоской черепичной крышей, с узкими лестницами, спускавшимися вниз, к воде, когда-то принадлежал епископу. «Когда-то» – это очень давно, в семнадцатом веке. Но с тех пор дом называли Домом прелата. Муж Анны это место выбрал не случайно – дом был удобен, как все, что строили в те времена, когда жилище было и крепостью, и воплощением амбиций. От каменных полов веяло прохладой, только солнечные квадраты окон, которые ложились на плитки неправильными четырехугольниками, были обжигающими. В холодное время года и по вечерам дом согревался печами и каминами. Впрочем, последним владельцам надоела романтика прошлого, и они обустроили дом, обновив все коммуникации и снабдив его необходимой бытовой техникой. Еще этот дом был хорош тем, что выходил к воде, имел свой маленький пляж и был закрыт от посторон-

них взглядов небольшими утесами, выступающими в море.

Анна немного удивилась выбору мужа. Она любила шум города, тусовку, мелькание знакомых лиц и будоражащее чувство соперничества, которое так свойственно миру кино. А кинофестивали в этом смысле предоставляли массу развлечений. Анна удивилась выбору мужа, потому что тот обычно учитывал ее пожелания. Но в этот год они поселились в Доме прелата.

– Так надо. В этот раз мы не будем мелькать. В этот раз мы будем в стороне – нужна интрига. Мы ее создадим.

Гроув подошел к участию в фестивале так, словно он планировал сложную финансовую операцию. Полугодичной давности разговор с членом фестивального оргкомитета возымел свое действие. Муж Анны рассчитал все правильно, не обратив внимания на колкости, которые услышал в адрес жены. Совершив сделку с самолюбием, он все же добился своего, и фильм о любви сорокалетней женщины и молодого адвоката был включен в основную конкурсную программу. Гроув, дождавшись этого решения, принялся за рекламную кампанию. Он призвал к себе Майлза и объявил ему:

– Стив, я делаю ставку на этот фильм. Я хочу, чтобы это был успех. А успех – это прежде всего результат грамотного маркетинга.

Майлз усмехнулся:

– Чем же я могу быть полезен?

– Молчанием. Прошу вас, не давайте интервью, не обсуж-

дайте фильм и его участие в фестивале. Постарайтесь держаться в тени.

– Вы же знаете, это не по моей части. Я никогда не лезу в газеты, журналы и на телевидение.

– Знаю, потому и выбрал вас, когда мне в руки попался тот сценарий. У меня на этот фильм определенные виды. Я хочу, чтобы Анна ушла из кино. Но уйти она должна громко. На гребне успеха. Моя задача – его обеспечить.

– Это не мое дело, но Анна еще молода. Ей играть и играть. И по моему мнению, она входит в самую лучшую свою пору. Съёмки в Европе пошли на пользу. Она избавилась от некоторых американских игровых стандартов.

– Это не Европа. Это ваша заслуга. Это ваша требовательность и ваша идея играть на улицах. Я уже вас благодарил за фильм. И сейчас хочу сказать «спасибо» еще раз. Но прошу, соблюдайте мое требование. У меня есть план.

– Договорились. Однако подумайте о жене. Она отличная актриса.

– Она может быть еще отличной матерью, – Гроув улыбнулся, – но это между нами. Она об этом, по-моему, не догадывается.

– Я нем как рыба. – Майлз развел руками, а про себя подумал, что за все время в кино ни разу не встречал такую странную пару, как эти Гроувы.

И вот Гроувы приехали за несколько дней до открытия фестиваля и поселились не в огромном, респектабельном,

неудобном и страшно дорогом отеле, а здесь, в этом небольшом доме, в пяти километрах от города. Они здесь были вдвоем, не считая привратника и двух женщин, которые приезжали каждый день готовить и убирать. Гроув оставил свои дела и решил, что весь фестиваль будет вместе с женой.

– Дорогой, я тебя не узнаю. – Она действительно была удивлена поведением мужа.

– Я сам себя не узнаю. – Тот улыбнулся. – Мне важно, чтобы этот фильм победил.

– Дорогой, у нас заканчиваются деньги? – рассмеялась Анна. – И вся надежда на прокат?

– Нет, деньги у нас не заканчиваются. Просто я хочу, чтобы ты победила. Мне необходимо, чтобы ты победила.

– Я люблю тебя, Гроув. Что бы ты ни думал по этому поводу.

Анна улыбнулась мужу. «Ты меня не любишь, но нам вместе хорошо. Мы вместе не только команда, мы – соратники. А это, пожалуй, важнее, чем любовь. Но я хочу детей. А потому...» – думал Гроув.

– Анна, никуда не уезжай из дома до начала фестиваля. Не удивляйся, если здесь появятся журналисты и фотографы. Делай вид, что не догадываешься об их присутствии. Одним словом, ты уединилась, потому что тебе есть что скрывать.

– Поняла, – кивнула Анна. Она доверяла мужу.

Сейчас она стояла на балконе и прикидывала, сколько же фотографов на той маленькой яхте, которая уже битый час

дрейфует у входа в их заливчик.

«Ну что ж, придется изображать затворницу». Анна прикурила сигарету, уселась в небольшое кресло и прикрылась пледом. Весенний воздух пах цветущей мимозой и был поутреннему свеж. Анна еще какое-то время смотрела на море, потом погасила сигарету и взяла в руки журнал. Но читать ей не хотелось, ей хотелось закрыться от объективов.

«Дорогая, дай им возможность последить за тобой. Пусть охотятся на тебя. Но дом не покидай, оставайся только на виду. Интерес надо поддерживать», – наставлял жену Гроув. И Анна каждое утро сидела на этом маленьком, залитом солнцем балкончике, но лицо ее было скрыто очками и развернутым журналом. «Посижу немного и уйду в комнаты», – думала она, но, как только она закрывалась журналом, она начинала думать о том, что уже давно ей не давало покоя. Она думала о своей любви к Дику Чемнизу.

Когда-то любовь проверяли временем и расстояниями. Любовь проверяли путешествиями, лечениями на водах и экспедициями в горы. В наше время так стало просто преодолевать километры, а время предстает донельзя сжатой пружиной, что испытать чувства стало совершенно невозможно. Географическая доступность и относительно дешевые билеты – вот причина необдуманных, импульсивных поступков. Анна сыграла равнодушие на съемках фильма. Анна с превосходством смотрела на всех, кто ожидал романтической развязки и потирал руки в предвкушении семейной

драмы. Анна доказала, что она профессионал, но Анна не смогла заглушить в себе любовь. Она по-своему любила и уважала мужа, но страсть, в которую превратилось увлечение, не отступала, и чем увереннее Анна играла равнодушие, тем изнурительнее была ее внутренняя борьба.

Закончились съемки, Гроува держали в Париже дела, а Анна стала завсегдатаем театра, где играл Дик. Она придумывала себе дела в Штатах, только чтобы не пропустить спектакля, в которых участвовал Дик. Она посещала концерты и встречи с его участием. Съежек в этот период у нее не было, но были рекламные контракты, были записи на студиях, были выступления в благотворительных акциях. Но если было необходимо увидеть Дика, она прилетала с другого конца света, бросая дела, заставляя ждать партнеров. В ее душе поселилось беспокойство влюбленной – вечные опасения, подозрения. Она терялась в догадках, строила предположения и пыталась предвосхитить шаги Дика. Анна следила за ним, за его карьерой, за его растущей славой. Она читала все его интервью, смотрела записи его спектаклей. Но она помнила, что за ней тоже могут следить – ее имя было на слуху, а потому она была осторожна, хотя это и выматывало ее. Последние полгода она жила двойной жизнью и, как разведчик, боялась разоблачений.

Что она получила взамен? Как себя вел он, этот молодой мужчина, который был достаточно умен, проницателен и обладал характером скорее деликатным, нежели грубым. Ей

казалось, что она получила все богатства света. При виде его худощавой фигуры, при взгляде в его темные глаза она ощущала себя всемогущей и счастливейшей из женщин. Анна теперь была благодарна Майлзу, который потребовал сдержанности, который заставил ее отказаться от быстрого триумфа, тем самым продлив это изумительное чувство любовной победы. Теперь Анна получала взамен радость встреч, которая подогревалась разлукой. Она получила любовника, который был красив, молод, известен и поэтому... в любой момент мог ускользнуть от нее.

По указанию Гроува все участники фильма должны были приехать накануне конкурсного показа. Никаких встреч с прессой, никаких гуляний по знаменитой набережной и долгих обедов в местных ресторанах. Слово Гроува было законом, к тому же каждый хотел, чтобы фильм получил приз. Поэтому все находились в ожидании, а Анна, не имея возможности встретиться с Диком, томилась от тоски и ревности. Ежедневные телефонные звонки, которые она делала, выходя на почту в поселок, ситуацию не спасали.

Соблюдая ежедневный ритуал появления на балконе, она использовала этот небольшой отрезок времени, чтобы побыть наедине со своими мыслями. «Дик приедет на фестиваль. Он будет здесь. И мы будем вместе стоять на красной дорожке, будем фотографироваться, давать интервью. Мы опять будем вместе, но как, как устроить встречу?! Как сделать так, чтобы свиданиям никто не помешал и чтобы ни о

чем не пронюхали газетчики?!» – думала Анна и строила планы, как оказаться наедине с ним.

– Дорогая, потерпи еще немного, время твоего затворничества заканчивается. – Довольный Гроув как-то утром принес ворох свежих газет и журналов. – Все гадают, почему мы поселились здесь. Почему ты не показываешься на публике. И знаешь, какие предположения высказываются?

– Какие же? Кстати, тебе налить кофе? Я уже не могу завтракать в одиночестве, – отозвалась Анна.

– Налей, пожалуй! – Муж сел напротив Анны. – Все думают, что это я прячу тебя. И делаю это потому, что ты страстно влюблена в Дика Чемниза.

– Да ты что?! – только и смогла произнести Анна.

– Представь себе.

Гроув вдруг стал серьезным, или это только показалось Анне?

– Что за ерунда! – Анна наклонилась над столом. Ей совсем не хотелось, чтобы муж заметил ее смущение.

– Ну, как сказать, – вдруг произнес Гроув, – как сказать...

– Что ты имеешь в виду?

– Понимаешь, я подкинул эту идею. Так, осторожно. Она имела успех. Только ленивый не перепечатал мои слова, которые я якобы кому-то сказал.

– А ты этого не говорил?

– Говорил. Но сказать можно по-разному. Иногда достаточно намекнуть. И не уточнять – имеется в виду фильм, сю-

жет или реальная жизнь. Можно просто не ответить на конкретный вопрос, а высказать предположение.

– Зачем ты это сделал?

– Анна, нам нужен успех. Большой и шумный. Нам нужно внимание.

– Почему ты вцепился в этот фильм? – Анна впервые задала этот вопрос.

Гроув промолчал, а потом, глядя ей в глаза, ответил:

– Анна, я хочу детей. Я очень хочу детей. И, по-моему, победа на этом фестивале отличный повод дать себе отдых. Я хочу, чтобы это был твой последний фильм. Родишь ребенка, а там посмотрим. Захочешь, вернешься в кино.

Анна онемела. Она никак не могла предположить, что муж осмелится решить за нее.

– Тебе надо было спросить у меня. Ну так, на всякий случай.

– Надо было. Но я знал, что ты мне не откажешь в такой малости. – Гроув лукаво улыбнулся.

А маленький городок, где ежегодно проводился фестиваль, гудел, шумел и не спал по ночам. В эти дни в нем можно было встретить знаменитостей, начинающих актеров, неудачливых сценаристов и режиссеров, которые искали деньги для будущих «шедевров». Этот город превратился в базар, на котором торговали всем, что может предложить человек: красотой, умом, талантом. Город уже забыл о сво-

их жителях – они растворились среди приезжих, таких шумных, цепких и бесцеремонных. И местные жители мстили им за это, наказывая баснословными ценами за самые незначительные услуги. Дик появился в городе, как и было велено Гроувом, вечером, накануне показа. Он поселился в заранее снятом номере небольшой гостиницы, стоящей вдалеке от центра. Кроме него, в этом месте из съемочной группы никто не жил. «Это хорошо!» – обрадовался Дик. Он не был слишком общительным, ему не улыбалось провести вечер в бесполезных обсуждениях шансов, которые имеет та или иная картина. Он вообще относился к затее Гроува снисходительно, мол, хозяин барин и я буду участвовать в этом только до тех пор, пока мне лично это не будет мешать. Дик Чемниз понимал, что Гроув хочет увести жену из кино. И, уже изучив Анну, он скорее сочувствовал ее мужу. Анна была не только импульсивна и эмоциональна, у нее был сильный характер. Сладить с ней было тяжело. А потому вместо относительно спокойной семейной жизни Гроувы имели беспокойное хозяйство и необходимость ломать себя, подстраиваясь друг под друга. Теперь Дик понимал, что подстраивался в основном Гроув.

Вообще, это было странно – испытывать совесть и соблазн такой силы, что невозможно было устоять. Это чувство напоминало чувство начинающего мошенника. Так, во всяком случае, казалось Дику, который встречался с женой человека, пристроившего его к хорошему режиссеру. Дик

по-прежнему считал книгу и сценарий слабыми и слегка вымученными. По мнению Дика, ситуацию спас Майлз, талантливый и требовательный режиссер. Если бы не он, фильм вышел бы скучным и даже пошлым. Но Майлз сумел увлечь Анну, и она сыграла ярко и убедительно – у нее получилось передать на экране начинающуюся страсть. Страсть, которая отвоевывает в сопротивляющейся душе пядь за пядью. Некоторые сцены с Анной вызывали у него мурашки. Ощущения от своей игры у него были сложными, да и Дик никогда не мог объективно оценивать себя. Майлз его хвалил, Гроув открыто сказал, что если фильм и получит премию, то благодаря ему, Дику. Слушать это было лестно, но в мире кино принято врать и принято не верить вранью.

Как случилось, что они стали близки? Дик помнил, как осаждала его Анна на съемках. Но тогда у нее не было никаких шансов – Дик не опускался до подобных пошлостей. Он и в театре не заводил интрижек. Все разговоры о «допингах», которые в виде романов необходимы актерам на съемках, Дику казались надуманными. На съемках, как и в театре, ты должен быть сосредоточен на роли, а не на своем чувстве. Только концентрация собственных ресурсов, воспоминания о прошлом опыте позволят тебе верно сыграть. Так рассуждал Дик. К тому же на глазах коллег ставить в идиотское положение Гроува он не мог. Мужская солидарность и профессиональная убежденность оказались сильнее соблазнов. А соблазны были великие – Дик это понял, когда Ан-

на появилась за кулисами во время его спектакля. Дик тогда понял, что на стороне этой женщины не только красота – стандартная, но безусловная. Он понял, что на стороне Анны эмоциональная сила. Дик вдруг осознал, что, как бы он ни сопротивлялся, победителем будет Анна. И он сдался, тем более что его капитуляцию тут же искусно превратили в его победу.

«Ты не оставляешь мне выбора. Ты сильнее меня. Я покорюсь!» – казалось, говорил взгляд Анны, которая искусно подстроила свой приезд на эту театральную премьеру Дика. Он даже не сообразил ничего, но уже в следующее мгновение сжимал Анну в объятиях. Только через несколько дней, душевного порядка ради, он попытался понять, кто кого соблазнил, кто в кого влюблен и как теперь будет выглядеть его жизнь. Но мысли блуждали, как потерянные овцы, в глазах стояла сильная фигура Анны, а его рубашка слабо пахла ее духами. Дик махнул рукой: «Время покажет!» Он, как всякий мужчина, естественно, не думал об Анне, он не думал о происхождении ее страсти. Он, строго соблюдая свои профессиональные интересы, предоставил Анне решить организационные и иные проблемы. Анна же с упоением отдавалась созиданию отношений.

Впрочем, все равно на небосклоне были тучки. Разговоры на тему «В кино тебе делать нечего» стали повторяться все чаще. Гроув не давил открыто, он все больше уговаривал, приводя примеры ровесниц Анны.

– Посмотри, у нее уже двое детей. И что? Она опять на сцене, опять снимается, – горячо толковал он какой-то общей знакомой.

Анна слушала и отмалчивалась. Она предчувствовала конец, с наблюдательностью и интуицией дикой кошки понимая, что Гроув рано или поздно перестанет уговаривать ее, он предъявит ей требование: уйти из кино. Ведь когда-то, очень давно, под влиянием момента она неосторожно ему пообещала:

– Я не хочу устроить из твоей жизни ад. Ты не заслуживаешь этого. Я обещаю, что уйду из кино и мы проживем нормальной человеческой жизнью.

Анна даже помнила, что в тот момент пообещала связать ему свитер. Гроув, деловой человек, но влюбленный до беспамятства, чуть не расплакался:

– Анна, ты свободна в выборе. Но все же я буду ждать этого.

И похоже, момент приближался. А пока Анна с ужасом представляла новую жизнь и одновременно тонула в страсти. Отношения с Диком были самым главным в ее жизни. Время показало, что для них от Дика ничего не требуется. Время показало, что Анна всегда будет опережать его на шаг – она появится там, где он только планирует быть, она предугадает его мысли, она проанализирует его шаги и будет всегда рядом, как только у него появится свободная минута. Взамен она ничего не требовала. Кроме любви.

По складу своего характера Дик был деликатен. Он был осторожен в оценках и с выводами не спешил. А потому он не смог бы назвать любовью их страсть. Он молчал, когда Анна начинала рассуждать: «Кто мог подумать, что мы так полюбим друг друга!» Дик слушал, улыбался своей уже знаменитой улыбкой, смотрел абсолютно непроницаемыми темными глазами. И молчал. Но Анна даже не замечала этого молчания. Она говорила, радовалась и чувствовала за двоих.

На фестиваль он приехал, бросив репетиции в шекспировском «Макбете». В театре его отпустили спокойно – Дик умел работать, и наверстать упущенное ему не составит труда. Но сам он ехал с недовольством. Работа в театре занимала его гораздо больше, чем вся эта кинематографическая шумиха.

– Дик, ты зря так. Ты сейчас известный актер. Кино делает тебя знаменитым. Поверь, так и будет. Не пренебрегай этим. Когда-нибудь тебе это пригодится! – как-то сказал ему Майлз.

Дик улыбнулся. Он никогда никому не пытался объяснить, что удовольствием может быть не известность и все, что она приносит, а сам процесс тихой, кропотливой работы. Он не объяснял это, потому что не поймут. Сочтут кокетством. Сидя в своем отеле и работая над ролью, он почти не думал о конкурсе, о красной дорожке, по которой они завтра пройдут, о показе. Он не думал об Анне. На фестивале, где должен был присутствовать ее муж и многие из тех, кто с

удовольствием шпионит за чужими страстями, Дик был намерен отказаться от встреч с Анной. Да, это будет выглядеть нелепой и даже смешной позой, но он поступит именно так. От работы его отвлек телефонный звонок.

– Вам звонят. Соединить? – раздался голос портье.

– Да, пожалуйста. – Дик уже знал, что Анна.

– Здравствуй, ты когда приехал? Почему не позвонил? Когда увидимся? На берегу есть маленький ресторанчик. Там никогда не бывает журналистов. Я уже все разведала!

Это была действительно Анна, и она, как всегда, слушала, говорила, переживала за двоих. Казалось, ей не нужны ответы, не нужно согласия. Она просто извещала мир о своем существовании и своих интересах.

– Анна, боюсь, не получится. Во-первых, мне надо поработать. Я хотел бы улететь сразу после представления фильма.

– А как же награждение? Как же закрытие фестиваля?

– Боюсь, не получится. Работы много. – Дик говорил мягко и тихо. Когда ему надо было в чем-то убедить Анну, он разговаривал с ней как терпеливый гувернер. Она же злилась, горячилась, но, как правило, сдавалась под натиском его спокойствия.

Только сегодня Анна не желала его слушать. Анна так долго ждала его приезда, она так жаждала триумфа, который был обещан Гроувом, и она желала, чтобы этот триумф принадлежал только им – ей и Дику.

– Я не понимаю тебя! Мы не виделись целую вечность! Но когда мы оказались в одном городе и на расстоянии двух километров, ты отказываешься встретиться! Как это понимать?! Как это все понимать?! Ты что, не один?!

Дик рассмеялся. Он уже знал, что Анна была ревнива. Она могла обижаться как ребенок, могла быть агрессивной, могла разразиться слезами – никогда не доводила разговор до ссоры. Она всегда сознавала, что есть граница, которую нельзя нарушать. Словно что-то чувствовала, чего-то боялась. Но сейчас Анна ссорилась, она не могла взять себя в руки, и в ее голосе чувствовались нотки высокомерия.

– Тебе было удобно, когда я прилетала к тебе. Но сейчас тебе стоит преодолеть небольшое расстояние, чтобы увидеть меня, и ты отказываешься? Я, кажется, тебя избаловала!

Дик рассмеялся громче.

– Анна, не говори так. Я всегда ценил твое внимание. И благодарен тебе за все.

Она замолчала. Так говорят, когда подводят итог, так говорят, когда расстаются. Слова прозвучали официально, словно от чужого человека.

– Прости, я не знаю, что говорю. Я так ждала твоего приезда, – спохватилась она.

– Я тоже очень хочу тебя увидеть. Но мне надо закончить сегодня обязательно большой отрывок. И потом, здесь полно журналистов. Они везде. И в моем отеле тоже. Не думаю, что Гроув заслуживает такого сюрприза. Анна, будь благоразум-

на, увидимся завтра, со всей съемочной группой.

Анна молчала. Она уже знала этот его тон. Тихий, мягкий, даже ласковый, а потому абсолютно непререкаемый.

– Как скажешь. Но я тебя ждала. И очень тебя люблю.

Анна повесила трубку. Она никогда не ждала от него ответного признания. Словно боялась услышать не ту интонацию.

Гроув и Майлз в ожидании конкурсного просмотра время проводили вместе. Они вежливо отказывали в интервью, они не злоупотребляли прогулками по набережной, где фотографов было больше, чем самих участников фестиваля, они не напивались в барах, куда их зазывали коллеги-конкуренты. Они держались особняком, и эта пара добавляла интереса к фильму, о котором уже все писали. Впрочем, как и полагается по законам жанра, писали не о фильме, а об актерах, писали о личной жизни, писали о нарядах главной героини. Если суммировать все написанное, выходило так, что на фестивале ожидается «бомба» в виде необычной любовной драмы, в которой главную роль сыграла та самая Анна Гроув. Муж держит ее в заточении, поскольку приревновал к главному исполнителю красавцу Дику Чемнизу. Тональность изложения менялась в зависимости от желтизны издания. В некоторых Анну даже называли соблазнительницей и содержательницей молодых актеров.

– Да, как правило, этого стараются избежать. Но ты же сам все это устроил! – Майлз кивнул на одну из таких газет.

Гроув довольно улыбнулся:

– Да, я предпочитаю стоять у руля.

– Только слухи и так бы ходили. Не эти, так другие.

– Какие, например?

– Ну, что главный герой влюблен в художника по костюмам. – Майлз как-то смущенно улыбнулся.

– А кто это – художник по костюмам? – Гроув недоуменно поднял брови.

– Ну, эта самая Летти, к которой Анна цеплялась все съемки.

– А-а, понятно. Ну, там не очень поцепляешься. Эта художница отпор кому угодно даст.

– Согласен, – Майлз улыбнулся, – она умеет за себя постоять. Хотя по внешнему виду и не скажешь.

Гроув внимательней посмотрел на Майлза:

– Стив, в твоем голосе я слышу непривычные ноты.

– Какие? – Стив сделал вид, что изучает мундштук трубки.

– Непривычные, – улыбнулся Гроув. – Сдается мне, что, Стив, ты сам влюблен в эту самую Летти. Кстати, я все время хотел спросить, как ее зовут? Ну, не Летти же, в самом деле?

– Ее зовут Скарлетт. Мать дала имя любимой литературной героини. Потом имя сократили до Летти.

– Зачем же? Скарлетт – звучит красиво!

– Из-за фамилии.

– Что, очень неблагозвучная?

– Наоборот. Хорошая фамилия, но... русская.

– Имя – Скарлетт? А фамилия?..

– Ломанова.

– И она стала Летти Ломановой?! – Гроув на минуту задумался. – А ведь молодец девочка. Отлично звучит. Столько загадки, столько истории, столько женственности в этом сочетании – Летти Ломанова!

– Да, – закивал Майлз, и стало ясно, что Гроув прав, что Гроув разгадал эту тайну, которую Стив Майлз пытался скрывать во время съемок и сейчас, на фестивале, старался ничем себя не выдать, а это было нелегко – Летти Ломанова была тоже здесь. И ожидала показа, и от души радовалась возможности побывать в таком месте, где звезды кино каждый день встречались на улицах, где в каждом ресторанчике, в каждом кафе слышались споры известных критиков, тех, кто решал судьбу картин. Это было ее первое и в общем-то совершенно случайное участие в фильме в качестве главного художника. И это был ее первый кинофестиваль, и ей было не очень важно, возьмет ли лента главный приз. Ей был важен сам факт приезда сюда, в этот маленький городок, где оценивается творческий успех и откуда уезжают либо победителями, либо поверженными. Летти была здесь одной из немногих, кто не тешил себя иллюзиями, а наслаждался моментом. А Майлзу, который сразу про нее все понял, отчаянно хотелось ее закружить в развлечениях, познакомить со знаменитостями, показать подноготную этого пафосного

и такого громкого мероприятия. Но он стеснялся, он боялся скомпрометировать ее, боялся бросить на нее тень. Летти Ломанова представлялась ему такой неискушенной и такой неиспорченной, что Майлз со своей репутацией бывало-го ловеласа старался держать себя в руках. Сейчас он был рад, что Гроув разгадал его тайну – поговорить о предмете увлечения, поговорить о Летти хотелось давно, но его откровенность тоже могла повредить девушке. Гроув же вызывал доверие – он был человеком слова.

– Между нами говоря, очень необычная девушка.

– Что же ты удивляешься. Русские корни. Они, как и этот милый акцент, всегда делают образ трогательным и цельным.

– Это скорее литература, – рассмеялся Майлз, но было видно, что эти слова Гроува ему приятны. Словно Летти уже принадлежала ему и похвала в ее адрес добавляла ему признания.

Зал был набит битком. Люди даже стояли в проходах, хотя это запрещалось правилами. Перед началом показа съемочную группу окружили журналисты – казалось, что в этот момент все они собрались именно здесь, на пороге этого здания, где проходили конкурсные показы. Хитроумная стратегия Гроува дала свои плоды – все хотели посмотреть на Анну, которая впервые за долгое время показалась на публике. Все хотели посмотреть на Дика, который, по слухам, прилетел из Штатов на один день и жил затворником отдельно

от съемочной группы. Всем хотелось проверить слухи, которые распространялись вроде бы сами по себе: правда ли, что Анна и Дик состоят в связи, правда ли, что Гроув, профинансировавший фильм с участием жены, подает на развод, правда ли, что режиссер имеет отношение к молодой художнице, которая работала в картине. Этот последний факт оказался неожиданным для самого Майлза – он, увидевший утром свежую газету со сплетнями о себе, выразительно посмотрел на Гроува. Тот так же выразительно развел руками – мол, подслушали... Что ты хочешь, это такая публика! Майлз усмехнулся и покрутил головой – Гроув делал деньги, Гроув шел к своей цели, и все, что помогло бы в этом, все он использовал. Майлз давно отвык обижаться на окружающих его людей, он давно привык считать виноватым себя. «Сам дурак – незачем было о ней рассказывать!» – буркнул он себе под нос. Сейчас он чувствовал, что должен объясниться с Летти, которая тоже, несомненно, увидит эту газету.

Но времени у него не было – просмотр начинался в два часа. Усевшись на отведенные им места, все затихли. Одно дело – ожидать решения жюри, волноваться, и совсем другое – смотреть в зале фильм, который дался с таким трудом. Смотреть то, что еще месяц казалось почти гениальным, а сейчас может оказаться бездарным. Они затихли, даже Гроув, даже Майлз, который никогда не терял присутствия духа и чувства юмора. Но вот закрылись двери, погас свет, на экране появились первые титры... Анна вздохнула и взяла

за руку мужа. Она понимала, что из всех участвовавших в этом проекте именно он терял больше всего. И именно он приложил больше всего усилий, чтобы сегодняшний день закончился триумфом. Все остальные почти ничего не теряли, а если выигрывали – то очень многое. Анна на время забыла про Дика, который сидел тут же, рядом, с другой стороны. Она забыла обо всем.

Писатели не любят перечитывать написанное, художники прячут с глаз холсты, композиторы «теряют» партитуры. Актерам и режиссерам несколько сложнее – они участвуют в коллективном творческом процессе, а потому просто так не отрестишься от того, что сделал. Тем более что рядом с тобой может быть тот, для кого роль – его звездный час. Это ты сыграл плохо, а вот твой партнер как раз был на высоте. Кино – вещь непростая. Анна уже забыла обо всем, что так ее тревожило еще два часа назад. Она забыла о ревности, об обиде на Дика, она забыла даже про самого Дика. Она смотрела на экран и не узнавала себя. Это была не она – это была другая женщина, которая не стеснялась морщинок, не стеснялась намечающейся полноты, эта женщина не прятала рук – руки сорокалетней женщины не могут быть безупречны, как ни ухаживай за ними. Камера была внимательна к ней, к этой женщине, которая жила в Париже и боялась пустить в свою душу любовь. Анна понимала, что Майлз снял картину о времени, о его беспощадности. И одновременно Майлз снял картину о том, что власть человека все равно

выше власти времени. Власть человека, власть его духа все равно побеждает. Только победа эта достается ценой жизни.

Анна смотрела на экран, словно не знала сюжет, словно не читала сценарий. Она смотрела так, словно наблюдала за страстью, которая подчиняет людей и которая делает их жизнь невозможной. Анна смотрела трагедию чувств, которую сыграла сама и которая в финале превращается в сказку о прекрасной любви. «Какая музыка!» – восхищенно думала Анна, вслушиваясь в знакомую мелодию. Она ее слышала еще до начала съемок, но она и представить не могла, как это будет выглядеть на экране – прекрасный город, музыка, любовь. Анна вдруг почувствовала, как комок подступил к горлу. Она сжала руку мужа и вдруг поняла, что зал досматривает фильм точно так же – сдерживая слезы. «Господи, я же просила – никаких «соплей»!» – подумала она про себя, но это было кокетство. Фильм был красив, серьезен и наполнен любовью. И все в нем было гармонично – от прекрасных лиц до великолепных городских пейзажей и костюмов.

Зажгли свет. Еще бежали заключительные титры на экране, а зал уже стоя аплодировал. Это были не случайные вежливые хлопки кинематографических зевак. Здесь собрались профессионалы, здесь собрались ценители и завистники, здесь собрались люди, обладающие вкусом и снявшие шедевры. Все они стояли и аплодировали. Тогда на сцену поднялась съемочная группа. Майлз, Дик, Анна, остальные актеры, Летти Ломанова, ассистенты режиссера и, наконец,

Гроув – все они выстроились в шеренгу на сцене и, улыбаясь, ждали, пока не закончатся овации. Анна вдруг поймала взгляд Дика. Ей показалось, что его взгляд был растерянным. Она улыбнулась ему ободряюще. «Это я принесла тебе удачу!» – горделиво подумала она. Сейчас почему-то она забыла о том, как Дик сыграл свою роль.

С фестиваля они увозили главный приз. Была ли это заслуга Гроува? Несомненно. Стив Майлз снял отличный фильм, Анна и Дик прекрасно сыграли свои роли, художники, декораторы, Летти Ломанова, создавшая все костюмы, превратили фильм в яркое зрелище. Но именно Гроув привлек внимание ко всему этому. Стив Майлз отдал должное деловой хватке Гроува.

– Это ваш приз! В первую очередь – ваш! – Во время праздничного ужина Майлз поднял бокал с шампанским и поклонился в сторону продюсера.

– Брось! – Гроув радостно улыбался. Рядом с ним сидела Анна. Вместе они производили впечатление счастливейшей пары.

– Нет, дорогой! Стив прав! – Анна неожиданно поднялась со своего места и обратилась к мужу: – Это ты и только ты. Но я хочу поблагодарить всех – и тебя, Стив! Мне казалось, что я умею все. Но ты доказал, что я не умею ничего. Доказал и принялся меня учить. Кое-что все-таки усвоила! – лукаво добавила она под смех всех присутствующих. – Еще я хочу

поблагодарить Дика Чемниза и всех, с кем довелось играть в эпизодах. Летти, вам отдельное спасибо! Ваш вкус по-парижски безупречен!

Анна была сегодня великодушна. Она получила чуть ли не главный приз в своей жизни. Они все получили сегодня награды. Жюри приняло единодушное решение и присудило главные призы за фильм, за главные мужскую и женскую роли и за работу художников. Летти Ломанова была в числе специально награжденных. Она сейчас уже не помнила все стычки с Анной. Она сейчас понимала, что именно в этой команде она впервые добилась такого признания.

– Анна, спасибо вам! – Летти, раскрасневшаяся, подняла высоко бокал. – За вас! За вас всех, кто принес мне удачу. – Произнеся это, Летти сконфузилась, еще больше покраснела и села на место.

Майлз тут же поспешил на помощь ей:

– Я присоединяюсь к словам благодарности!

Команда – это очень важно! Мне ли, режиссеру, этого не знать!

Расходились уже под утро. Этот город покорила им, и чувства их были сродни чувствам победителей всех времен. Они растянулись шеренгой на узкой улочке, они дружно шагали навстречу новому дню, дню, в который они войдут совсем в другом качестве. Они были счастливы, забыв все волнения, все размолвки, все обиды. Они в последний раз были вместе, они в последний раз были так дружны, они заверши-

ли свой путь, и теперь уже вряд ли кино и жизнь сведут их вместе. Но пока они не покинули этот город, они – команда победителей.

– Анна, дорогая, я устал так, что даже рассказать не могу! – Гроув обнял жену, и это послужило сигналом для остальных. Все стали прощаться, обещая на завтра встретиться вновь. Им предстояла большая пресс-конференция, им предстояли интервью, съемки на телевидении. Их ждало еще закрытие фестиваля, а потом они разъедутся, и этот день, эта ночь станут историей.

– Летти, я вас провожу. – Стив Майлз наконец победил несвойственное ему стеснение.

– Хорошо, – радостно согласилась Летти. Она продолжала все так же счастливо улыбаться.

– Я кажусь себе сейчас ужасно глупой, – призналась она Майлзу, когда они отошли подальше от всех.

– Это почему же? – Майлз сурово пыхтел трубкой.

– Я все время улыбаюсь. Я все время радуюсь.

– Это плохо?

– Это не очень нормально, – расхохоталась Летти, – человеку необходимо быть серьезным.

– Ну, мне кажется, что серьезным все время быть нельзя. Да и невозможно. – Майлз улыбнулся. Состояние этой девушки было ему понятно – она впервые оказалась в таком месте. И ей посчастливилось – она оказалась среди победителей. Как же тут не радоваться, тут голову снесет от эмоций!

– Мне не верится, мне вообще не верится, что это происходит со мной. Вы знаете, Стив, сначала я не верила, что меня возьмут художником по костюмам в ваш фильм. Это же такая случайность!

– Ваши работы оказались лучшими. Я же и отобрал их. – Майлз рассмеялся.

– Так это вы?! Благодаря вам мне так повезло?! – Летти широко раскрыла глаза. – Я думала ваша ассистентка это решала.

– Нет. Решал я.

– Тогда это везение вдвойне! Вы даже не понимаете, какое это везение! Ведь я сделала эскизы случайно. Понимаете, совершенно случайно. Я приехала к своей тете, а она как раз с кем-то обсуждала сценарий. А потом повернулась и говорит: «Вот чем лошадей своих лепить, лучше нарисуй красивые платья!» Я так тогда разозлилась! Понимаете, у меня в семье не могут пережить мое решение...

– Летти, постойте. Дайте я вас сразу же поправлю.

– Да, извините!

– Летти, дорогая! Никогда никому не говорите ничего подобного! Никогда не говорите, что ваши успехи случайны. Что это стечение обстоятельств, чья-то помощь, шутка, спор и так далее.

– Это почему же?!

– Потому что все должны считать, что на своем месте вы оказались именно потому, что шли к этой цели упрямо, вка-

лывая по двенадцать часов в сутки. Все должны помнить, что у вас, помимо усердия и трудолюбия, есть талант. В вас есть искра, которую невозможно не заметить! Именно благодаря этому – таланту и трудолюбию – вы оказались там, где оказались! Никакого везения, никаких случайностей в карьере не бывает. Во всяком случае, об этом во всеуслышание говорить не принято.

– Хорошо, – быстро согласилась Летти. – Я это учту.

Она отлично знала, как от правильного слова порой зависит успех.

– Но вам-то можно сказать, что я вообще-то еще учусь. – Летти улыбнулась. – Я учусь в Академии художеств и собираюсь стать скульптором.

– Кем? – Майлз даже остановился.

– Вот-вот, точно такое выражение лица у всех моих многочисленных родственников, когда я заговариваю о будущей профессии.

– Погодите-ка, скульптор – это молоток, резец и прочие мужские инструменты. Скульптор – это глыбы мрамора и гранита. А в вас, по-моему, не более тридцати фунтов живого веса?!

– Чуть меньше, – Летти поправила его. – Но при чем тут это? Да, женщин, которые занимаются такими вещами, немного. Я и сейчас на своем факультете одна.

– И что же вы будете делать, когда закончите академию? – Майлз теперь пыхтел трубкой, как старый пакетбот.

– Тетя утверждает, что мне придется склепы для старых итальянских семей ваять.

– Что ж, без денег вы не останетесь, – рассмеялся Майлз. – А если серьезно? Понимаете, я, конечно, не специалист, но, насколько я помню, одним из последних настоящих скульпторов был Роден?

– О, что вы! – рассмеялась Летти. – После него были скульпторы.

– Нет, вы, наверное, меня не поняли. – Стив Майлз вдруг стал серьезен. – Я не имею в виду тех, кто скреплял проводочки, крепил к ним деревяшки и клеил к этому пластмассу. Я имею в виду тех, кто был способен и не ленился заниматься резьбой или моделированием.

– Вы понимаете разницу между этими двумя приемами?

– Да, представьте себе. Резьба – это когда отсекают все лишнее. И из глыбы мрамора получают прелестное женское лицо. А моделирование – это когда лепят скульптуру, а потом ее отливают в металле. Летти, я достаточно грамотный, чтобы не вестись на всякий там джанк-арт!

– Джанк-арт – это скорее коллаж из...

– Из мусора – будем откровенны.

– Стив, мне тоже ближе традиционная скульптура, но согласитесь, что новые формы неизбежны.

– Летти, пусть в это играют лентяи, которым хочется иметь много дармовых денег. Никто и никогда меня не убедит в том, что на одну ступень можно поставить Микелан-

джело и Раушенберга.

– Честно говоря, и я так думаю. – Летти улыбнулась. – И поэтому буду заниматься традиционной скульптурой.

– Это очень обнадеживает. – Стив Майлз был совершенно серьезен. – И у вас есть планы, мечта? Вы же что-то хотите сделать такое, что до вас никто не делал?

– Конечно, но на эту тему как-то смешно рассуждать, Стив. Я не могу об этом говорить, еще много времени надо учиться.

– Понятно, – произнес с уважением Майлз. В этой девушке, которая выбрала такое необычное для женщины творчество, было что-то чрезвычайно серьезное.

– А вообще у нас жестокие профессии. У всех нас, кто работает в искусстве. – Майлз замедлил шаг. Его спутница была высокого роста, но очень худенькая. В своем, скорее всего, первом настоящем вечернем платье она казалась совсем ребенком. Контраст между стоящей колом жесткой блестящей тканью органди и худенькими загорелыми длинными ногами и тонкими руками был так разителен, что Майлз вдруг подумал, что художник, который смог нарисовать такие прелестные наряды для фильма, мог бы себя одеть в более подходящий наряд.

– Я знаю – платье мне не идет, – заметив взгляд Стива, пробормотала Летти. – Но у меня совсем не было времени на сборы. Гроув приказал мне приехать за день до показа. А в Париже у меня было столько работы, надо было сразу

несколько проектов сдать. Я просто забежалась...

– Летти, вы очень трогательная в этом платье, и больше двенадцати лет вам не дашь.

– А мне уже двадцать два!

Громкий смех Майлза, казалось, разбудил весь квартал.

– Летти, вы даже не понимаете, как смешно это звучит! Уже двадцать два года! Вам всего лишь двадцать два года, и вы уже получили премию одного из самых важных кинофестивалей. Вы лепите бюсты и работаете с мрамором! Летти, вы так молоды!

У Майлза то ли от смеха, то ли от умиления выступили слезы на глазах. Он, смутившись, пыхнул трубкой и произнес:

– Мне – тридцать пять. И фильмов я снял уже несколько, и этот фестиваль не первый. И награда не первая, но почему-то мне кажется, что именно это лето, этот город и эти события я запомню на всю жизнь.

Майлз был строг и суров только на съемочной площадке, в жизни он был мягок и чувствителен.

Наконец они дошли до пансиона, где остановилась Летти.

– А вы хорошо устроились. – Майлз с удовольствием оглядел маленький домик с крошечным садом и низкой чугунной оградой.

– Я умею устраиваться, – кивнула Летти. – Понимаете, я иногда чувствую, что надо сделать. Могла же поселиться в отеле – цены в это время в городе везде одинаково высокие,

но я выбрала это место. Здесь отдельный вход, и в моем распоряжении двухэтажные апартаменты. Очень удобные – даже своя кухня есть. Но я готовить не успеваю. Здесь, на фестивале, даже о еде не думаешь! Некогда об этом думать!

Майлз продолжал пыхтеть трубкой. Он понимал, что вполне может напроситься на чашку кофе, бокал вина, на стакан воды, наконец. И он мог ожидать, что ему не откажут. И поймут его просьбу как полагается. А полагается ее понять как приглашение к флирту, романтическому или не очень свиданию. Но перед ним была Летти, которая, во-первых, ему очень нравилась, а потому пугать ее натиском не хотелось. И во-вторых, Стив Майлз как-то себе не представлял стремительное соблазнение этой девушки. Что-то мешало представить ее участницей спешной борьбы в гостинной пансиона.

– Э, вот мы и дошли, – глубокомысленно заметил Майлз после минутного и не очень уютного молчания.

– Да, – радостно подтвердила Летти.

– Летти, а вы не хотите что-нибудь выпить? Посидеть где-нибудь?

– Что вы! Спасибо! Уже утро, смотрите, солнце встало! – Летти указала на сбегающую к морю улочку, над которой действительно уже краснело море.

– Да, вы правы. – Стив растерялся, он не знал, что сказать, но и уходить не хотел.

– Завтра закрытие фестиваля, прием. Завтра тяжелый

день. А послезавтра я улетаю. Надо возвращаться к работе. – Летти вздохнула.

– А может, мы у вас чаю попьем? – Майлз проявлял упрямство.

– Стив, я могу показаться невежливой, но я откажу вам в чашке чая. Лучше зайдите за мной завтра, и мы вместе отправимся на закрытие. Я одна себя очень неуверенно чувствую. Договорились?

Майлз рассмеялся:

– Договорились. Я, честно говоря, и не рассчитывал на чай. Я так и думал, что вы не пригласите меня к себе.

– А зачем тогда задавали этот вопрос? – Летти удивилась совершенно серьезно. – Я даже не понимаю, зачем люди что-то предпринимают, зная, что ничего не получится.

– Это оттого, что люди крайне самонадеянны, – ответил Стив Майлз. Он вдруг стал серьезным. – Хороших вам снов. До завтра. – Он наклонился и поцеловал ей руку.

– Так вы зайдете завтра? – смущенно уточнила Летти.

– Конечно. И вместе отправимся на прием.

– Отлично! Я буду рада такому спутнику.

Летти открыла калитку и взбежала по ступенькам. Вскоре за спиной Майлза хлопнула дверь. «Ну вот. Завтра у всех появится еще один повод для сплетен». – Майлз не спеша шагнул вниз по улице, туда, где над морем вставало солнце.

Пока Майлз пытался ухаживать за Летти, в Доме прелата между Анной и ее мужем происходила ссора. Началась она

с пустяка, который ни один из них уже не помнил. Но, как часто это бывает, как только отпадает необходимость быть вместе, как только исчезают повод и причина поддерживать друга друга, когда внешние обстоятельства уже не заставляют видеть друг в друге соратников, когда все это исчезает, центробежные силы начинают действовать стремительно. К тому же Гроув наконец намекнул жене о том старом обещании.

– Как ты можешь требовать от меня такого?! – возмущенно повторяла Анна. – Сейчас, именно сейчас, может, начнется моя карьера. Это важный момент – я перехожу из одного амплуа в другое. Я могу играть серьезные роли. Я, наконец, обращусь к классике. Мне же предлагали, мне столько раз предлагали!..

– Анна, это не тебе предлагали, а мне. Мне предлагали профинансировать негодные сценарии, дешевые переложения из Толстого, Достоевского и Шекспира. Ты играла бы там, если бы я потребовал этого. А так... Так во всех этих случаях им нужны были мои деньги.

– А почему ты не согласился, чтобы я играла?

– Я же тебе объяснил – это все была дешевка, использование знакомых имен. Там не пахло искусством. Поэтому и денег не дал, и тебе не позволил сниматься.

– Гроув, ты не имеешь права запираить меня дома! – Анна вдруг поняла, что, если он всерьез пригрозил, значит, и правда закроет доступ к кино. «Он влиятелен и богат. К нему

прислушиваются. Особенно сейчас, после этой победы! Господи, как же я хочу работать, сниматься!»

Анна все это повторяла про себя, но в глубине души ее пугало совсем другое – та жизнь, которую сейчас предлагал муж, не подразумевала той свободы, которая так была ей удобна. Сам Гроув ничего не терял – он по-прежнему мог заниматься своими делами, оставляя для дома столько времени, сколько сочтет нужным. Но она... Она должна будет вести себя иначе. У нее не будет поводов колесить по миру...

«У меня не будет возможности видеться с Диком!» – Эта мысль занозой сидела теперь в голове, и Анна чувствовала, как теряет самообладание. Здесь, на фестивале, ей не удалось даже словом с ним перемолвиться с глазу на глаз. Здесь вокруг были люди, а до этого она по требованию мужа сидела взаперти, да и Дик прилетел только накануне показа. В душе Анны уже бушевала тревога – сейчас ей казалось, что все рушится и только из-за этого фестиваля, из-за этого кино, из-за амбиций мужа. А ей так важно было сохранить Дика, отношения с ним!

– Анна, не сердись. – Гроув разлил по бокалам шампанское. – Сегодня такой день! Сегодня ты – победительница, и именно сегодня ты должна принять решение. Ради себя же самой.

– Что ты имеешь в виду?! – Анна отклонила бокал с шампанским, который протянул ей муж.

– Нам нужен ребенок! Анна, пока не поздно, пока есть

время, силы, здоровье. Анна, ты подумай, мы ведь не так молоды. Что будет с нами через лет пять? Через десять?

«Через лет пять я буду старухой. А через десять – дважды старуха! И обо мне все забудут! – Анна в гневе забыла, что сорок пять лет – это не возраст в современном мире. – «Но да, детей заиметь сложно!»

– Ты слышишь меня? Анна, я люблю тебя. Мы столько лет вместе. У нас есть все. А теперь даже то, о чем многие в твоей профессии даже и мечтать не смеют. А ты это получила! Ты сыграла так, что никто ничего и возразить не смог! Эта победа – она только твоя. Поверь мне. Все, что сделал я, – это так, оформление твоего таланта, твоей актерской игры. Ты уж поверь мне. – Гроув говорил тихо, ласково.

– Но я не хочу сидеть дома! Не хочу! Я сойду с ума без работы, без этой жизни!

– А тебя никто не закрывает на веки вечные! Анна, только два года! Только два года: родится ребенок, ему исполнится год, и пожалуйста, возвращайся в кино. Я же сам тебе помогу! Ты же знаешь меня – я никогда не обманываю.

Анна это знала. Гроув был честен с ней. Но она знала и другое, что от партнеров он требовал того же. А что она может обещать ему, если так влюблена в Дика?!

– Анна, все-таки сегодня такой день! Давай выпьем за тебя! А завтра, завтра мы в последний раз встретимся со съемочной группой, завтра мы попрощаемся с этим периодом нашей жизни. И завтра – завтра ты дашь мне ответ.

– Хорошо, завтра. – Анна устало присела на стул. Никто не выкручивает ей руки, никто угрозами и силой не заставляет ее принять решение, никто не прибегает к шантажу, и все же она будет вынуждена поступить так, как просит Гроув. Он сильнее, и он имеет право на семейную жизнь. И она, в конце концов, когда-то обещала.

– ...Жаль, только Дик должен улететь сегодня утром... – доносился до нее спокойный голос мужа.

– Что? – очнувшись она от своих мыслей. – Дик не будет на закрытии? Он не остается еще на один день?! Он улетает?! Во сколько, когда?! Что же ты молчал?!

Анна вскочила со своего места и бросилась за плащом.

– Ты куда?! – Гроув растерянно посмотрел вслед жене.

– Потом, все потом! – бросила Анна и исчезла.

Гроув поднялся и подошел ко окну. Он видел, как тут же подъехало такси, как Анна нырнула на заднее сиденье и как, повизгивая тормозами, машина понеслась по спящей улице.

«Она успеет. Самолет у него только через три часа», – подумал Гроув и добавил уже вслух:

– Как противно никогда не ошибаться. – Он выпил шампанское и отправился спать.

День его триумфа закончился поражением. Впрочем, он предвидел его давно. Наверное, поэтому так и торопил Анну.

Анна не застала Дика в отеле. На той же машине она домчалась до аэропорта.

– Простите, мне нужен Дик Чемниз, – обратилась она к дежурной.

– Да, конечно, сейчас я все уточню, – быстро ответила дежурная и добавила: – Миссис Гроув, как вы сыграли! Это просто великолепно! Это – как в жизни!

– Вы уже видели фильм? – рассеянно спросила Анна.

– Я была вчера, меня провели. По знакомству. – Девушка улыбнулась.

– Хороший у вас город. Можно все устроить по знакомству, – машинально сказала Анна.

– Да, это так. Вот и Дика Чемниза я найду благодаря своему шуруну. Сами же понимаете, Ричард Чемниз в числе почетных пассажиров, он отдельно от всех проходит билетный контроль. И перекусить он может в специальном ресторане для важных персон. Туда никто никого не пустит. Но меня...

– У вас там шурин, свояк... Я поняла. – Анна смягчила иронию улыбкой. – Поторопитесь, пожалуйста. Мне очень надо его видеть.

– Я вас понимаю. – Девушка сделала важное лицо и сняла телефонную трубку.

Анна огляделась вокруг. Несмотря на ранний час, здесь было полно народа. Кто-то уже покидал город – закрытие фестиваля для проигравших, не получивших никаких наград, не представляло никакого интереса. Уезжали туристы-зеваки – уже завтра на вокзалах и в аэропорту будет столпотворение, а самое интересное они уже видели. Анна понимала, что

ее узнают, и только благодарила бога, что выскочила из дома в нормальном виде – причесанная и хорошо одетая. «Ах, эти привычки кино! Помирать будешь, а о том, как свет падает, подумаешь!» – усмехнулась она.

– Простите, миссис Гроув, сейчас за вами подойдут и проведут к мистеру Чемнизу. Он уже прошел контроль и ожидает посадки.

– А я успею?! – Анна испуганно посмотрела на девушку.

– Не волнуйтесь, успеете. До вылета еще достаточно времени. Еще даже багаж не грузили в самолет! – В голосе слышалось превосходство, которое сменилось просительной интонацией. – Простите, вы не дадите мне автограф?

– Конечно, конечно! – Анна понимала, что эту девушку надо отблагодарить. Именно от нее сейчас зависело ее счастье. Она полезла в сумку.

– Вот, пожалуйста! Вот вам программа конкурсного показа, и на ней я вам напишу пожелание счастья, самого большого, самого прочного! – Анна размашисто расписалась и отдала девушке буклет.

– О! Я даже не знаю, как вас благодарить!

– Это я не знаю, как вас отблагодарить...

– Что вы, это такая честь, помочь... А вот... Вот за вами пришли. Вас проводят к самому мистеру Чемнизу.

Анна улыбнулась суровому господину, он открыл ключом служебную дверь, и они пошли по длинному коридору. Анна шла задыхаясь, то ли спешка, то ли волнение, то ли уста-

лость от вчерашнего шумного вечера и бессонной ночи – но ей не хватало воздуха. Она шла, пытаясь придумать начало разговора, и вдруг поняла, что сказать ей нечего. Те горячечные, сбивчивые, похожие на горестные восклицания слова, которые она твердила в такси, вдруг потеряли смысл. Что она должна сказать Дику?! Какими фразами она должна остановить его?! На что она должна пожаловаться?! Ни на один из этих вопросов Анна ответить не могла. Не могла же она, в самом деле, пожаловаться Дику на мужа. На то, что Гроув хочет детей. Что упраскивает ее оставить кино, хотя бы на время? Что в этом такого ужасного и невероятного было?! Ничего. Обычные семейные разговоры, касающиеся двоих. Как Анна расскажет Дику, что муж прав – времени у них обоих немного. Ей уже сорок, муж еще старше. Нельзя об этом разговаривать с Диком. И как можно говорить о том, что отныне она будет привязана к дому? У нее не будет поводов бывать там, где будет Дик. Анна чуть ли не застонала. Господи, сейчас она встретится с ним, увидит его спокойную улыбку, его глаза и... И ничего не сможет сказать.

– Пожалуйста. – Служащий аэропорта открыл еще одну безликую служебную дверь, и Анна оказалась в зале большого ресторана. Она огляделась и в углу заметила Дика. Тот читал газету.

– Вот ты где?! Что же ты не сказал, что улетаешь?

– Не хотел тебя беспокоить! Но мне нужно возвращаться – у меня репетиции.

– Дик, останься еще на один день. Пожалуйста. Ты по-
летишь, но только завтра. – Анна присела за его стол.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.